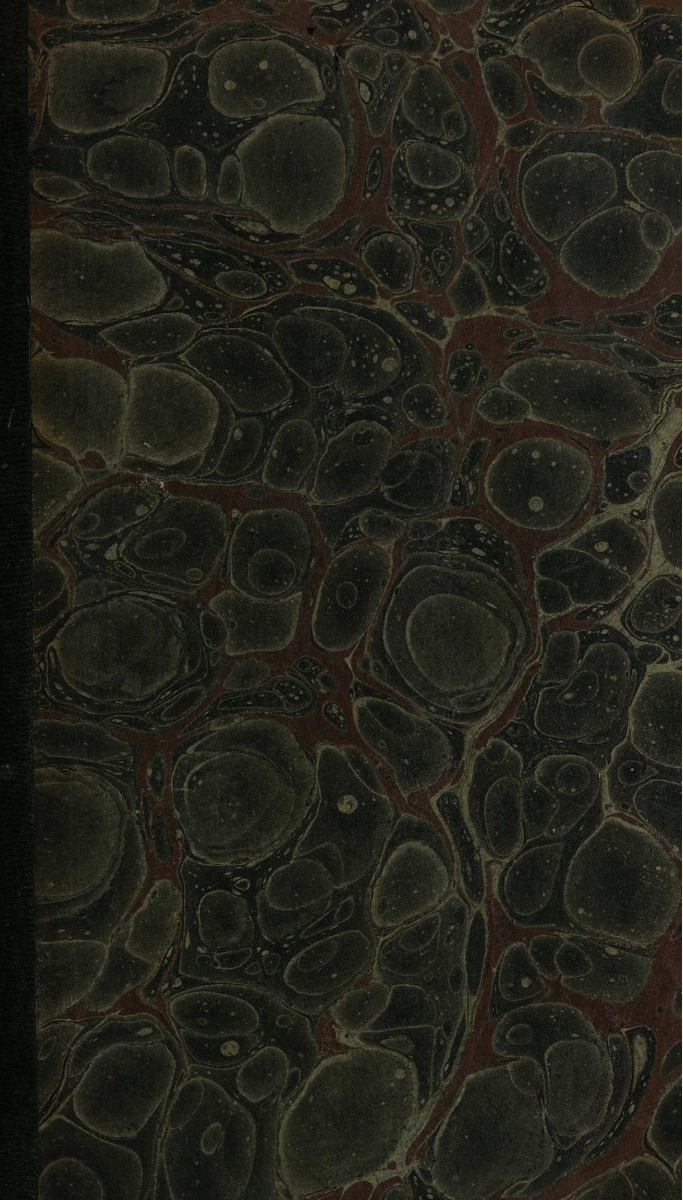
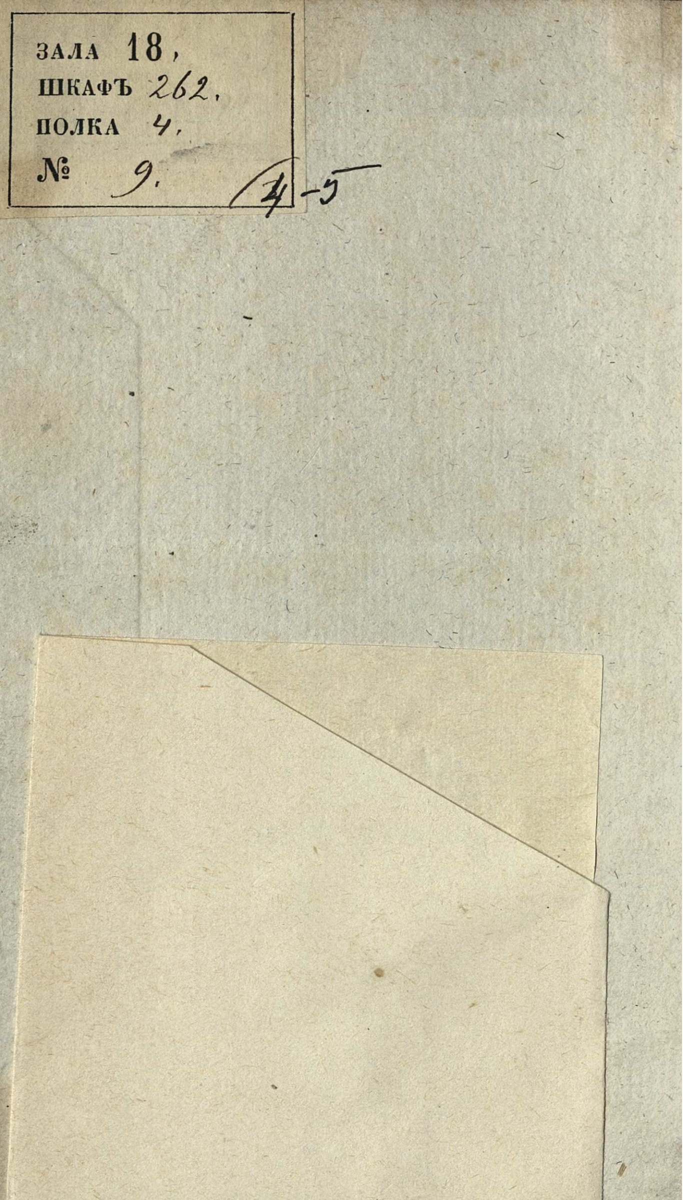




СТО
НОВЫХЪ НОВОСТЕЙ

сочиненія

ГОСПОЖИ ГОМЕЦЪ.

ТОМЪ IV.

съ Французскаго на Россійской языкъ переведенъ



Въ Санктпетербургѣ.

1766 году.



СТО НОВЫХЪ НОВОСТЕЙ

X. НОВОСТЬ

Продолженіе знатнаго путешественника.

Движеніи, кои употреблялъ Делаваль во угожденіе Принцу Гомронскому, и желаніе, кое имѣлъ видѣть его въ благополучіи, такъ ево упражняли, что не примѣтилъ онъ случившейся въ сердцѣ своемъ перемѣны; но когда Сидамекъ хотѣлъ его принудить остаться съ собою, то желаніе, искать знаменитую Маанію, такъ въ немъ возобновилось, что хотябы не имѣлъ иной причины въ томъ ему отказать, то бы и сей одной довольно было, ево къ тому принудить; и такъ единственно въ намѣреніи, ѣхать

въ багдатъ выѣхалъ онъ изъ Могостана. Онъ поѣхалъ по дорогѣ ведущей къ границамъ Персіи, и какъ нетерпѣливость ево не дозволяла ему дѣлать великихъ наблюденій, ни долговременныхъ пребываній въ проѣзжаемыхъ имъ мѣстахъ, предоставя примѣчаніи къ своему возврату, то уже ѣхалъ онъ по берегамъ Евфрата, дабы вступить въ Діарбекъ, какъ однимъ днемъ проѣзжая лѣсъ, гдѣ намѣреніе имѣлъ остановиться, дабы дать людямъ своимъ нѣсколько часовъ отдохнуть, услышалъ шумъ происходящей изъ средины лѣса подобной тому, которой дѣлаютъ люди свирѣпо между собою дерущіеся. Не требовалось болѣе, чтобъ принудить ево подъѣхать къ оному мѣсту; двое изъ людей ево за нимъ послѣдовали, и увидѣли съ нимъ четырехъ Турковъ на лошадяхъ, кои бились двое противъ двоихъ съ такою яростію, что казалось, будто земля подъ ними тряслася. Но въ нѣкоторомъ отстояніи отъ нихъ представилось глазамъ Делавалевымъ еще гораздо важнѣйшее зрѣлище: тамъ стояли два другіе Турка пѣшіе,

шіе, кои держали женщину, старающуюся избѣжать ихъ насилія, и сопротивляющуюся имъ съ удивительнымъ мужествомъ.

Молодой римлянинъ не колебался бѣжать къ той сторонѣ, дабы вырвать сію несчастную изъ рукъ сихъ Варваровъ; и бросясь на нихъ съ жестокостію, держа въ рукахъ пистолетъ и будучи вспомоществуемъ обѣими своими служителями принудилъ ихъ оставить свою добычу, и противъ него обороняться; но бой сей былъ непродолжителенъ. Делаваль убилъ одново въ одну минуту, а другой обратился въ бѣгъ къ тѣмъ, кои дралися. Та, которую онъ толь поспѣшно освободилъ, хотѣла было изъявить свою благодарность, какъ воспрепятствовали ей въ томъ четыре бойца, кои соединившись обратили все свое свирѣпство противъ того, который хотѣлъ ее у нихъ похитить, и напали на Делаваля: но храбрый римлянинъ показалъ имъ скоро силу своея руки; и смертію перваго на него устремившагося, здѣлавши бой гораздо равнѣе, пошелъ противъ трехъ другихъ, коихъ, не смотря

на звѣрское смѣльство, уменшилъ онъ еще число, отрубивъ голову другому. Люди ево возбужденные симъ примѣромъ, не умедлили свободиться отъ двухъ послѣднихъ. Делаваль не видя болѣе себѣ сопротивниковъ, и разсудивъ, что сїе мѣсто не безопасно для незнакомицы, сошелъ съ лошади, и приближась къ ней, дабы спросить, куда она хочетъ быть отвезена, толь сильно ослѣпился красотою ея лица, что не имѣлъ времени усмотрѣть того, что не могъ онъ вымолвить ни одного слова; и стоя неподвижно отъ удивленїя и изумленїя, и обращая глаза на сей прелестной предмѣтъ, подалъ довольно времени Купидону, поранить ево сильнѣйшею изъ своихъ стрѣлъ.

Прекрасная незнакомица, которую сїе смятенїе побудило опасаться, чтобъ избавитель ея не впалъ въ то же неистовство, какое учинили ея хищники, краснѣла и блѣднѣла почти въ одно время; и не смѣя почти поднять на него глазъ своихъ: Государь, сказала ему на персидскомъ языкѣ, почитая его изъ сей нацїи, потому что онъ

одѣтъ

одѣтъ былъ по обычаю сея земли, оказанная тобою услуга подаетъ мнѣ причину думать, что нѣчево мнѣ больше опасаться, и что могу я отдаться подъ твое покровительство. Сіи слова принудивъ молодаго римлянина выти изъ изумленія: не смѣю ласкать себя, сударыня, отвѣчалъ онъ ей на томъ же языкѣ, быть столько счастливымъ, чтобъ могъ еще тебѣ чемъ услужить; но могу тебя обнадежить, что рука моя, кровь и жизнь со всемъ готовы къ подаянію тебѣ помощи; и въ какое бы мѣсто ни дозволила ты мнѣ себя проводить, глубокое мое почтеніе и послушаніе будутъ тебѣ опытомъ всегдашняго моего усердія. Не знаю, отвѣчала она, посмотрѣвъ на него съ пріятностію, что побуждаетъ меня тебѣ ввѣряться; но почла бы себя совершенно несчастною, естьлибъ видъ лица̀ твоего меня обманулъ: между тѣмъ, продолжала она, пожалуй подтверди поданное мнѣ онымъ о тебѣ мнѣніе, увѣдомивъ меня кому должна я въ сію минуту честію моею и вольностію? Я желаю, отвѣчалъ онъ

ей, чтобъ желаемое тобою изъяснение не уничтожило толь благопрiятнаго обо мнѣ мнѣнiя; и хотя я здѣсь въ такой землѣ, гдѣ равные мнѣ мало почитаются, однако не обинуясь признаюсь тебѣ, что я Европѣецъ, и отправляю законъ Христiанскiй; Италiя мое отечество; Римъ мѣсто моего рожденiя; а имя мое Делаваль; охота къ путешествiю побудила меня выѣхать изъ онаго. Намѣренiе мое было ѣхать въ Персiю; нѣкоторыя дѣла привлекли и задержали меня въ Могостанѣ; одно любопытное желанiе влекло меня въ Багдатъ; но теперь не имѣю больше иныхъ мыслей какъ тебѣ повиноваться.

Между тѣмъ какъ онъ говорилъ такимъ образомъ, прекрасная незнакомица не спускала съ него глазъ; а когда онъ пересталъ, тогда потупя оные, какъ будто нарочно, дабы помыслить о томъ, что дѣлать, подумала нѣсколько минутъ, а потомъ начала ему говорить: Небо ко мнѣ милосердо, потому что оно допускаетъ меня попасться въ руки моего единовѣрца. Я Христiянка, государь, и подвергаюсь толь великимъ

кимъ опасностямъ въ Дiарбекѣ, моемъ отечествѣ, что отваживаюсь просить тебя, отвезти меня съ собою въ Персiю; потому что одно любопытство провождаетъ стопы твои, и ты возможешь лутче удовольствовать оное въ обширности и великолѣпiи сего пространнаго государства, нежели въ городѣ багдатѣ, не имѣющемъ ничего довольно достопамятнаго, дабы тебя туда привлечь.

Делаваль, начиная отъ часу болѣе ею плѣняться, не могъ пропустить или отречься отъ толь прiятнаго случая, чтобъ не покидать сей прекрасной незнакомицы; и усмотря изъ глазъ ея опасенiе, пребывать долѣе въ семъ мѣстѣ, воспользовался лошадьми тѣхъ, коихъ онъ победилъ; и посадивъ ее на одну изъ четырехъ, которая казалась ему достойнѣе другихъ толь прекраснаго бремяни, приказалъ двумъ своимъ служителямъ вести другихъ за поводъ; и всѣ вмѣстѣ доѣхали до того въ лѣсу мѣста, гдѣ остатокъ ево экипажа находился. Делаваль не могшiй спустить съ ней глазъ своихъ, имѣлъ еще новую

причину удивляться, увидя ее управляющую своимъ иноходцемъ съ удивительнымъ проворствомъ; и пріятность изъявляемая ею сидя на сей пышной скотинѣ, умножала красоту ея такимъ образомъ, что не возможно было посмотрѣть нанее не плѣнившись. Молодой римлянинъ ѣхалъ по сторону ея; и хотя безмѣрное имѣлъ желаніе узнать, кто она такова, и какимъ случаемъ находилась одна между побѣжденными имъ Турками, однако положилъ предѣлы своему любопытству, пока не будутъ они въ безопасномъ мѣстѣ. Онъ не успѣлъ доѣхать до своего экипажа, какъ перемѣнивъ дорогу, и покинувъ берега Евфрата, поѣхали онѣ къ границамъ персидскимъ, гдѣ нашедъ множество домовъ назначенныхъ для спокойствія проѣжжихъ, остановились; ибо Делаваль хотѣлъ поберечь незнакомицу, и имѣть время, увѣдомиться о томъ, что до нее касалося. Сія прекрасная особа казалась быть въ толь великомъ безпокойствѣ, пока не потеряла изъ виду Діарбека, что не хотѣла имѣть нималѣйшаго отдохновенія: но какъ скоро увидѣла

увидѣла себя на землѣ персидскаго Шаха, то ставши гораздо спокойнѣе, не противилась старанїю употребляемому ея проводникомъ, дабы воспрепятствовать ей изнурять себя томленїемъ пути.

Въ одномъ изъ сихъ мѣстъ отдохновенїя, Делаваль не могши болѣе противиться желанїю узнать покорившую его законамъ любви, просилъ ее удовольствовать его любопытство. Ожидавшая уже сего требованїя, и имѣвшая довольно времяни къ тому приготовиться, не колебалась она нимало нато отвѣтствовать. Я рождена отъ Христїанскихъ родителей, говорила она ему, и мы слѣдуемъ употребленїю халдейскому; фамилїя моя поселилась въ Багдатѣ за нѣсколько лѣтъ, и какъ имѣла она намѣренїе переѣхать въ Персїю, дабы избѣжать гоненїя Турковъ, то научила меня съ младенчества персидскому языку: но какъ смерть похитила за шесть мѣсяцовъ моево родителя, и я видя себя съ нѣсколькими родственниками, не въ такой знати въ Багдатѣ состоящими, какую имѣлъ сей началь-

никъ моей фамилiи, и боясь всегда быть вовлеченной въ ужасную дань, коей Турки требуютъ отъ народа, дабы умножить число тѣхъ жертвъ, коими наполненъ сераль Султанской, вознамѣрилась исполнить собою, принятое отцемъ моимъ предпрiятiе, отправясь въ Персiю, гдѣ, какъ мнѣ извѣстно, свободно отправляется законъ Хрiстiанскiй, потому что Шахъ Абасъ дозволилъ Арменiанамъ римскокатолическаго исповѣданiя, поселиться въ своемъ Государствѣ, и построить церьковь.

Фамилiя моя противилась нѣсколько времени сему предпрiятiю въ разсужденiи моей молодости; но уговоривъ ее наконецъ дать мнѣ то на волю, отправилась я одѣвшись по турецки, дабы избѣжать того, чтобъ не поймали, въ провожанiи двухъ невольницъ и двухъ старыхъ служителей моего отца, также какъ и я переодѣтыхъ. Я уже доѣхала безъ всякой худой встрѣчи за двѣ мили до того лѣсу, гдѣ ты меня нашелъ, и остановилась въ одномъ постоялом домѣ, дабы тамъ нѣсколько отдохнуть, какъ при

при пробужденіи моемъ увидѣла себя окруженную шестью Турками и лишенную всѣхъ моихъ людей. Я не сомнѣвалась, чтобъ сіи корыстолюбивыя души меня не продали, и не надѣясь ни откуда помощи, какъ отъ моево смѣльства и проворства, дѣлала сперва слабое сопротивленіе, спрашивая у сихъ варваровъ, чево они отъ меня хотятъ. Они отвѣчали мнѣ съ доволнымъ почтеніемъ, что послѣдуя повелѣніямъ полученнымъ ими отъ Паши Сирійскаго, искать во всѣхъ провинціяхъ рѣдкихъ красотъ для султанскаго сераля, проѣжжали они оныя безъ всякаго успѣха: что вошедъ въ сей домъ, дабы покормить тамъ своихъ лошадей, увидѣли меня туда прибывшую, что по открытіи вѣтромъ моего лица, нашли они меня толь достойною великаго Султана, что вознамѣрились, похитить меня силою, естьли не соглашусь добровольно; что они приближились къ тѣмъ, кои меня провождали, и представивъ глазамъ ихъ золото и каменья, введены ими были въ мою комнату, а люди мои ушли, дабы избѣжать моего гнѣва и отправиться

правиться въ Сирїю подъ покровительство тамошняго Паши.

Сїи слова привели меня въ ужасъ; но разсудя, что сопротивленїе мое въ семъ мѣстѣ будетъ безполезно, и доведетъ ихъ можетъ быть до самой гнусной крайности, притворилась я, будто подвергаюсь злобному моему року, и обѣщала слѣдовать за ними безъ труда съ тѣмъ условїемъ, чтобъ имѣли они ко мнѣ почтенїе должное особѣ назначенной для Султана. Прельщенные моею тихостїю, увѣряли они меня о своей покорности, и какъ одинъ изъ нихъ посадилъ меня за собою, то поѣхали они въ путь: четверо, какъ ты видѣлъ были верхами, а другїе двое пѣшїе; ибо оные взяты были для ихъ услуженїя и охраненїя ихъ лошадей, когда они съ нихъ сходили. Между тѣмъ обремененная печалїю помышляла я о средствахъ, какъ бы свободиться отъ сей пропасти, и возсылала къ Небу теплыя о томъ молитвы, какъ были оныя услышаны въ такое время, когда я наименѣе о томъ помышляла: Турокъ, позади котораго я сидѣла, воспрїявъ безумную любовь, и

и разсудивъ лутче меня у себя удержать, нежели отдать Султану, приказалъ подъѣхать къ себѣ одному изъ трехъ другихъ, и говоря ему долгое время тихо, но такъ однакожъ, что я все слышала, уговорилъ его принять его сторону, въ случаѣ естьли товарищи его воспротивятся принятому имъ намѣренїю, чтобъ свободить меня отъ уготованнаго мнѣ жребїя, думая даровать мнѣ гораздо счастливѣйшїй, ставъ моимъ супругомъ.

Но что до меня касалось, то я предвидя, что сей умыселъ причинитъ несогласїе между моими хищниками, и что ссора можетъ мнѣ подать способъ спастися бѣгствомъ, начала кричать ужасно. Двое другихъ Турковъ приближились, дабы узнать, что мнѣ здѣлалось; и какъ я увѣдомила ихъ немедлѣнно о умыслѣ ихъ сотоварищей, то свирѣпство привело ихъ скоро внѣ себя; и вынувъ свои сабли, едва дали мнѣ время сойти на землю, дабы избавиться отъ ударовъ, коими отягчали они моего проводника, которой приведши себя въ оборонительное состоянїе съ своимъ другомъ, началъ

види-

видимой тобою бой. Тогда пользуясь симъ счастливымъ часомъ, побѣжала я весьма скоро, и надѣялась, что выду изъ лѣсу, и добѣгу до перваго жилища, чтобъ во ономъ скрыться, прежде нежели они узнаютъ, куда я направила стопы свои, какъ оба ихъ служителя, кои были такіе же Турки и варвары какъ и они, встрѣтясь со мною на дорогѣ, заградили мнѣ путь, и хотѣли меня принудить возвратиться на боевое мѣсто; когда Провидѣніе Вышняго привело тебя ко мнѣ на помощь. Но, Государь, примолвила она улыбнувшись, я примѣчаю неустройство вмѣшенное мною въ мою рѣчь; я сказала тебѣ о моемъ отечествѣ, законѣ и приключеніи, не увѣдомя ни о имени моемъ ни о породѣ: однакожъ фамилія моя есть одна изъ благороднѣйшихъ и древнѣйшихъ въ Месопотаміи, откуда она происходитъ, и прозвище мое Гезира, по коему и я называюся. Намѣреніе мое было, ѣхать въ Персію, дабы видѣть тамъ церемоніи Римской церкви, кои тамъ свободно отправляютъ, чтобъ поселиться, и просить моихъ родственниковъ, дабы туда же пріѣхали.

жали. Вотъ, государь, то, что хотѣлъ ты знать; и какъ могъ бы ты усумниться въ томъ, кто я, будучи чужестранецъ, то вотъ, сказала ему, вынувъ изъ подъ своего платья весьма прекрасной ящичекъ, сїе докажетъ тебѣ то, что я не подлаго и не рабскаго происхожденїя: Турки похитившїе меня, не имѣя намѣренїя меня ограбить, не отняли у меня его, и я сохранила чрезъ то все, что везла съ собою. При сихъ словахъ открывши ящичекъ, показала глазамъ Делавалевымъ довольное число предорогихъ брилїантовъ, какихъ онъ не видалъ, прося его взять оные къ себѣ, и хранить, дабы служили они ей къ предпрїятому поселенїю въ Испаганѣ.

Влюбленный Римлянинъ такъ былъ предувѣренъ въ пользу сея прекрасныя дѣвицы, что не имѣлъ нужды въ семъ богатствѣ, дабы быть удостовѣрену о истиннѣ словъ ея: онъ еще почелъ себѣ то за обиду, что она почитала за нужное подавать ему о томъ опыты, и обнадеживалъ ее, что хотябъ и не имѣла сей помощи, то бы онъ не оставилъ снабдить ее всѣми потребностьми.

Оставь

Оставь свои камни, говорилъ онъ ей, прекрасная Гезира, ты такъ прелестна и молода, что не должна лишаться сево украшенія, и я почту себя весьма счастливымъ, естьли возмогу способствовать всѣмъ, что тебѣ потребно. Я не отказываюсь принять твоего старанія, отвѣчала она ему съ пріятностію; но увѣряю себя, что когда поручила я тебѣ свою особу, то долженъ ты имѣть въ своей власти и все, что мнѣ принадлежитъ: и такъ, государь, отваживаюсь просить тебя почитать меня за свою сестру, и чтобъ моя польза сопряжена была съ твоею.

Делавалъ усерлно благодарилъ за ея довѣренность, и выговаривая слово любовь не преминулъ дать ей знать, что стала она ему столь мила, что не въ его уже власти, различать ея пользу отъ своей собственной. Прекрасная Гезира притворясь, будто пріемлетъ его увѣренія за дѣйствіе великодушія, отвѣчала нато съ неменшимъ благоразуміемъ, какъ и умѣренностію: и хотя оказывала ему отмѣнное почтеніе; хотя вмѣщала иногда во оное нѣкоторое къ нему вниманіе

любви

любви одной сродное, и изъяснялась часто страстнымъ видомъ, однако провождала все сіе съ такою стыдливостію и величавостію, что Делаваль принужденъ былъ уступать ревностію своего пламени, тому почтенію, которое она въ него внушить умѣла, и налагать на себя молчаніе въ такія минуты, коимъ думалъ быть удобнѣйшимъ ко изъясненію онаго. Сія прекрасная чужестранка почти истребила въ сердцѣ его желаніе узнать Маанію, сіе любопытство погасло; и когда онъ приводилъ себѣ на память все объявленное ему о томъ Принцессою Гомронскою, тогда говаривалъ самъ въ себѣ, что никогда бы не приписывала она толико похвалы дочери Тиверидиной, естьли бы прекрасная Гезира взору ея представилась; ибо невозможно, чтобъ было что нибудь въ свѣтѣ ей подобное. Въ самомъ дѣлѣ, хотя свойственно любовникамъ находить въ томъ, что они любятъ, превосходящее всѣ другія предмѣты, однако любовь неослѣпила Делаваля тѣмъ, чемъ онъ плѣнился: Гезира была совершенное твореніе натуры, и одно изъ тѣхъ сокро-

вищъ, коими ей иногда благоугодно обогащать вселенную, дабы показать смертнымъ то, что она произвесть въ силахъ, и что рѣдкостію своею умножаетъ удивленіе. Молодой Римлянинъ горя любовію къ Гезирѣ, отдавалъ справедливость ея красотѣ; но сей родъ дани, къ коему увидѣлъ себя противъ воли обязаннымъ, здѣлался самымъ слабымъ изъ его чувствій, когда позналъ онъ, колико душа ея преимуществовала еще предъ добротою тѣла; потому что наисовершеннѣйшее удивленіе и навеличайшее почтеніе были въ послѣдствіи непоколебимыми подпорами его страсти, и побудили ево хранить оную до гроба.

Чужестранка съ своей стороны была болѣе просвѣщенна, чтобъ не узнать всего достоинства Делаваленва, и дѣйствія пріятностьми ея надъ сердцемъ его произведеннаго; она радовалась тому тайно, и нашедъ сію побѣду достойною себя, приняла намѣреніе удостовѣриться въ томъ съ первой минуты, какъ его увидѣла: но хотя воспріяла къ нему горячность мало различествующую отъ

его страсти, однако вознамѣрясь разпознать его совершеннѣе, и утвердить власть свою надъ нимъ основанïемъ почтенïя, которое дѣлало страсть ея чуждою отъ слабостей обычайной любви, содержала себя въ таковыхъ предѣлахъ, что поелику прелести ея умножали его пламя, по толику умѣла она также увеличивать ево почтенïе и скромность. Имя сего знаменитаго путешественника было ей небезъизвѣстно; нѣкïя догадки, коихъ не хотѣла еще изъявить, дошли и до ней; и сïе то побудило ее не менѣе какъ и благодарность, поручить ему свою поступку.

Съ сими то взаимными другъ ко другу склонностьми прибыли они въ великолѣпной городъ Испаганъ, столицу государства персидскаго и обыкновенное пребыванïе тамошнихъ королей. Государствовавшïй тогда Шахъ Абасъ, изъявлялъ тамъ повсюду знаки своего великолѣпïя, и привлекалъ къ себѣ чужестранныхъ изъ всѣхъ странъ свѣта, торговлею, которая тамъ процвѣтать начинала. Первое старанïе нашего путешественника было, прïис-

кать домъ для прекрасной Гезиры и для себя: онъ нашелъ толь изрядно расположенный, дабы жить вмѣстѣ, но въ разныхъ покояхъ, что нанялъ ево за всю плату, коей отъ него потребовали. Два жилья окруженныя садами составляли оной; Гезира стала въ верхнемъ, а Делаваль въ нижнемъ. Онъ далъ ей для услуженія шесть молодыхъ невольницъ, и многихъ нижнихъ служителей: также умножилъ число своихъ, и не жалѣлъ ничего, дабы появиться великолѣпно при дворѣ Короля Персидскаго. Расположивъ все касающееся до его дому, поѣхалъ онъ въ церковь Арменіанъ Римско-Католическихъ, коихъ Пасторъ принялъ его съ почтеніемъ, и обѣщалъ пр еставить его Королю имѣя честь быть его учителемъ Географіи.

Делаваль на то согласился, и нѣсколько дней спустя исполнено было сіе обѣщаніе. Шахъ Абасъ принялъ весьма ласково молодаго Римлянина; и плѣненъ будучи тѣмъ, что оставилъ онъ отечество свое въ томъ одномъ намѣреніи, чтобъ ѣхать чудиться его областямъ, и формѣ его правленія, приказалъ его почи-

тать

тать отмѣнно. Сей государь, присокуплявшей ко множеству изящныхъ качествъ безмѣрную любовь къ наукамъ, не долго пребывалъ, не воспрїявъ великаго къ Делавалю почтенїя. Оной предупредилъ ево уже въ свою пользу прїятностїю своего вида; но распознавъ его разумъ, и глубину его понятїя, тогда не помышлялъ больше ни очемъ, какъ только, чтобъ удержать ево при своемъ дворѣ; а сїе не трудно ему было, потому что сей ученый римлянинъ обрѣлъ въ семъ Монархѣ добродѣтели достойныя своея склонности однако не употребилъ онъ во зло его милости, и нашелъ способъ пользоваться довѣренностїю Государя и дружелюбїемъ его придворныхъ; употребляя власть свою только, чтобъ дѣлать добро несчастнымъ, и изливать милости на тѣхъ, кои ихъ удостоивались.

Между тѣмъ какъ составлялъ онъ удивленїе и украшенїе сего двора, Гезира старалась изъявлять свою набожность: будучи щедра, соболѣзнующа, и великодушна препровождала всѣ часы въ спомоществованїи тѣмъ, коихъ видѣла въ нуждѣ

между Христіанскими путешественниками, или въ числѣ обращенныхъ Магометанъ, и не имѣющихъ пропитанія. Она и сама многихъ обращала, и прилѣпясь къ наставленію своихъ невольницъ, просвѣтила ихъ толь совершенно свѣтомъ Вѣры, что сама имъ способствовала ко крещенію: но не сообщала своего намѣренія никому кромѣ тѣхъ, кои могли имѣть нужду въ ея щедрости и наставленіяхъ, дозволивъ только входъ въ свой покой одному Делавалю, и выходя всегда обернувшись толстымъ покрываломъ, въ храмъ Римскихъ Католиковъ, дабы во ономъ молиться, или разговаривать съ ихъ Пасторомъ, коего почитала усердіе и любовь къ Вѣрѣ. Какъ сія поступка побуждала думать влюбленнаго Римлянина, что не могъ онъ объявить своего пламени, не измѣнивъ своему закону, то оная ввергнула ево сперва въ нѣкоторой родъ смущенія.

Вся милость, коею пользовался отъ Шаха Персидскаго, не могла изтребить въ немъ любви его; но хотя была она безмѣрна, однако страхъ вѣчнаго обязательства, присоединясь

нясь къ почтенію, кое внушала ему Тезира, препятствовали ему изъясниться. Онъ находилъ ее столь добродѣтелною, что надлежало ей говорить о бракѣ, открывая страсть свою, и не чувствовалъ въ себѣ довольно предпріятія, чтобъ обременить себя вдругъ толикими узами. Другая еще причина ево удерживала: какъ былъ онъ не одинъ путешественикъ находящейся въ Испаганѣ, но сей городъ наполненъ былъ людьми разныхъ націй, то видѣлъ онъ тамъ чужестранныхъ, кои остановившись въ Азіатской Туреціи объѣздили разныя оной провинціи, и кои, говоря о Діарбекѣ, явно говорили, что сей городъ имѣетъ въ несравненной Ситти Маанiѣ Гивернде, чудо достойное удивленія всего свѣта. Сіи похвалы непрестанно повторяемыя дошли и до самаго Шаха Абаса, которой, незная ее инако, какъ по слуху отъ другихъ. почиталъ ее отмѣнно, и говаривалъ часто Делавалю, что онъ не понимаетъ, коимъ образомъ будучи таковъ ученъ, не воспріемлетъ онъ любопытства увидѣть сію удивленія достойную дѣвицу. Римлянинъ несмѣя открыть

принудившаго его опровергнуть свое намѣреніе, почувствовалъ себя возбужденна новымъ желаніемъ къ воспріятію онаго, слыша таковыя похвалы: но лишь только обращалъ глаза на Гезиру, какъ не имѣлъ больше силы отправиться. Между тѣмъ, какъ любовь, которую къ ней имѣлъ, зделала ево гораздо знающѣе движеніи сердечныя, то дѣлалъ онъ разныя тайныя разсужденіи о тѣхъ, кои внушали въ него слава о Мааніи, и взоръ Гезиры, и познаяъ съ толикимъ же удивленіемъ, съ коликою печалію, что мало не доставало къ тому, чтобъ занимали онѣ равное мѣсто въ ево сердцѣ.

Сіе открытіе ево смущало; и стыдясь тово, что впалъ въ такое заблужденіе, коего не простилъ бы и въ другихъ, старался возвратить свой покой всѣми возможными средствами: Какія прелести, говорилъ самъ въ себѣ, можетъ имѣть Маанія, дабы принудить меня оставить для нее предмѣтъ наисовершеннѣйшій? Гезира не имѣетъ ли доли въ красотѣ, разумѣ, краснорѣчіи и нѣжности въ изъясненіяхъ: гдѣ могу я найти болѣе пріятностей и основательности?

тельности? Нѣсколько больше знанія наукъ можетъ ли преимуществовать предъ толь многими прелестьми? И чтоже такое на конецъ прямая наука женщины? умѣть привесть себя въ любовь; здѣлать себя того достойною красотою своего нрава и располагать духъ свой по благоразумію; вотъ все, что должны онѣ знать. Правда, что Маанія разумѣетъ всѣ языки, всѣ части философіи ей свѣдомы, чтеніе ея безмѣрно, память ея непостижима; да что мнѣ нужды, примолвилъ онъ, на какомъ бы языкѣ Гезира ни изъяснялась, одинъ только потребенъ къ тому, чтобъ сказать, я тебя люблю; а естьли когда нибудь могу я ее побудить произнесть сіи слова, то тотъ языкъ, коимъ она то выговоритъ, будетъ мнѣ всегда миляе всѣхъ тѣхъ, кои я разумѣю. Я не требую отъ ней другой философіи, какъ быть довольной мною, ниже иной памяти, какъ не позабывать меня никогда.

Такимъ образомъ Делаваль старался истребить заразы, учиненныя надъ нимъ отъ такого предмѣта, коего онъ не видалъ, качествами того, которой ему предстоялъ.

 стоялъ.

стоялъ. Но несмотря на свои старанїи, Маанїя представлялась всегда его мыслямъ; желанїе ее видѣть, и страхъ оставить Гезиру, привели его въ такое недоумѣнїе, что лишился отъ того сна, и впалъ въ толь великую задумчивость, что прекрасная Гезира о томъ скорбѣла: и думая, что молчанїе налагаемое имъ на свою страсть, могло быть тому причиною, употребляла всѣ старанїи и всѣ ласки, кои дозволяла ей добродѣтель, дабы вывесть его изъ сего состоянїя. Онъ примѣтилъ ея безпокойство; и не сомнѣваясь, чтобъ не происходило оно отъ искренности ея дружества, вознамѣрился окончать претерпѣваемое имъ мученїе, повѣривъ ей терзаемое его безпокойство; но не могши себя преодолѣть, чтобъ открыть ей происходящее въ сердцѣ его въ разсужденїи Маанїи, не показавъ ей въ тожъ самое время возбужденной ею въ него любви, хотѣлъ знать ея склонности, дабы поступить по тому, поелику обрящетъ ихъ болѣе или менѣе благопрїятными, ласкаясь, естьли ею любимъ. что сладости сей взаимной

ной горячности, побудятъ его позабыть со всѣмъ Маанію, или, естьли увидитъ напротивъ того, что не имѣетъ она нималыя къ нему склонности, то будетъ онъ искать удовольствовать свою страсть, удовольствовавъ желаніе, кое имѣлъ ѣхать въ багдатъ. будучи доволенъ симъ намѣреніемъ, помышлялъ только о томъ, какъ бы найти случай оное произвесть въ дѣйство: онъ не ожидалъ его долго, прекрасная Гезира подала ему оной въ тотъ же день. Чувствительно тронута будучи его состояніемъ, и желая знать тому причину, какъ скоро увидѣла его въ обыкновенной часъ въ комнату свою вошедшаго, то послѣ первыхъ учтивостей, посмотрѣвъ на него пристально: Государь, сказала ему, обязанность полученная отъ тебя мною, и благодарность моя, не дозволяютъ мнѣ хранить долѣе безмолвіе о угнѣтаемой тебя печали: можетъ быть я стала тому невинною причиною, и ты опасаешься меня о томъ увѣдомить. На конецъ, Государь, продолжала она покраснѣвши, можетъ быть ты больше не

намѣренъ

намѣренъ держать меня въ своемъ домѣ, можетъ быть присутствїе мое тебя принуждаетъ, можетъ быть великодушныя старанїи, кои ты обо мнѣ прилагаешь, стали тебѣ въ тягость: но смѣю тебѣ сказать, что мало ты меня знаешь, естьли опасаешся мнѣ то объявить. Не могу тебѣ не признаться, чтобъ сїя разлука не была для меня ужасна: я такъ прїобыкла къ прїятному братству установленному межъ нами, что не могу тебя оставить безъ сожалѣнія. Я уже и отправила человѣка въ Багдатъ, дабы увѣдомить моихъ родственниковъ о моемъ произшествїи и о твоихъ милостяхъ, и писала къ нимъ, чтобъ прїѣхавъ ко мнѣ, были того свидѣтелями и раздѣлили мое благополучїе. Но, государь, твой покой долженъ передъ моимъ преимуществовать, и я готова тебѣ онымъ жертвовать.

О! Тезира, вскричалъ Делаваль, сколь мало свѣдуща ты о власти, которую надо мною имѣешь, естьли думаешь, что могу я разлучиться съ тобою; ибо пора уже открыть тебѣ мое сердце, и показать тебѣ,

какимъ образомъ ты во оиомъ господствуешь. Я тебя обожаю, прекрасная Гезира, ты овладѣла всею моею душею съ первой минуты, какъ я тебя увидѣлъ; ты побудила меня позабыть всѣ мои замыслы; ты уничтожила всѣ мои предпріятіи, и я ни очемъ больше не мыслилъ, какъ за тобою послѣдовать. Не негодуй на сіе признаніе, примолвилъ онъ, увидя ее въ лицѣ измѣняющуюся, почтеніе уподоблястся моей любви, и я имѣю еще о дѣлѣ гораздо достойнѣйшемъ удивленія тебя увѣдомить. Я любилъ, не зная иникогда не видавъ одну особу изъ Багдата, прежде нежели съ тобою встрѣтился. Слава о Ситти Мааніи Гиверидѣ влекла меня въ Діарбекъ, какъ ты меня отъ того отвратила: твоя чудесная красота, твоя рѣдкая добродѣтель, твоя пріятность, и прелести твоего разума, изгнали ее со всѣмъ изъ моей памяти, и я готовился вручить тебѣ мое сердце и клятву, какъ нѣкоторою побуждающею силою, коей не могу понять желаніе увидѣть сію Маанію паки возобновясь, гонитъ меня съ большею прежняго силою, и кажется,

что

что все согласилось меня терзать; не вижу никого, кто бы не превозносилъ ее похвалами; нѣтъ здѣсь ни одного чужестранца, которой бы не говорилъ объ ней съ удивленіемъ, и самъ Шахъ Абасъ упрекаетъ меня безпрестанно малымъ моимъ любопытствомъ. Тщетно противу полагаю я прекрасныя твои прелести сему невидимому предмѣту, ты первенствуешь въ моемъ сердцѣ, а она первенствуетъ въ моемъ воображеніи. Однако разсуди, обожаемая Гезира, о повѣренности, которую я къ благоразумію твоему имѣю, по признанію, кое дѣлаю тебѣ о моихъ слабостяхъ: горю желаніемъ увидѣть Мааню, и трепещу покинуть тебя: хотѣлъ бы, чтобъ нашла ты меня достойнымъ твоея горячности; чтобъ не любила ты иного кромѣ меня, и жила только для меня; а между тѣмъ тайно помышляю о величайшемъ удовольствіи, что могу внушить тѣже склонности въ сію дѣвицу толь ученую, премудрую и философствующую. И такъ не протився всѣмъ симъ противнымъ мыслямъ, примолвилъ онъ, бросясь предъ нею на колѣни, на тебя одну,

о

о Гезира! полагаю я мою надежду, въ тебѣ одной ищу моей отрады; испытай мое пламя; отвѣтствуй на мою любовь; ты изторгнешь несомнѣнно сей бѣдственной предмѣтъ изъ моего разума и сердца.

Трудно изъяснить происходящее въ сїю минуту въ сердцѣ Гезиринома; и хотя употребляла она всѣ свои силы, дабы скрыть свое смущенїе, однако надлежало Делавалю быть въ такомъ смятенїи, въ какомъ онъ находился, дабы того не примѣтить. Но сїя прекрасная особа пользуясь его смущенїемъ: Правда, государь, отвѣчала ему, что разсказываешь ты мнѣ про удивительныя дѣла. Однако не скрою отъ тебя, что я ласкалась счастїемъ тебѣ понравиться: довѣренность твоя заслуживаетъ и мою; и я столько тебя испытала, что не боюсь того, чтобъ ты во зло употребилъ мою откровенность. Скажу тебѣ еще больше: естьлибъ только надлежало тебя любить, и увѣрить тѣмъ въ томъ всѣмъ тѣмъ, что стыдливость можетъ дозволить моему полу требующему благоразумїя, дабы способствовать твоему удоволь-

удовольствïю, и истребить смятенïе твоей души, то не колебалась бы я клясться предъ тобою вѣчною горячностïю; но государь, я предвижу, что не будешь ты тѣмъ менѣе любопытенъ видѣть Мааню, и несмотря на всю любовь, коей ты по увѣренïю твоему ко мнѣ пылаешь, познаю въ тебѣ глубокое почтенïе къ моей соперницѣ, котораго вся моя горячность истребить не возможетъ; и я не знаю инаго средства для твоего и моего покоя, какъ привезти въ Персïю сïю Маанïю толь много людьми хвалимую, которымъ безъ сомнѣнïя угодно приписывать ей качества, коихъ она не имѣетъ. Никто не знаетъ ее столько, сколько я: обѣ мы изъ одново города, я знаю все, что до ней касается; но могу тебя увѣрить, что она не заслуживаетъ того, дабы нарушать твое спокойствïе; и что дары полученные ею отъ Неба, не стоятъ труда, чтобъ побудить тебя оставить Испаганъ. Не думай, чтобъ рѣчь сïя была дѣйствïемъ моея ревнивости; душа моя чужда отъ сей страсти: и хотя все мое благоденствïе состоитъ въ томъ, чтобъ видѣть себя обладательницею твоего

твоего сердца, однако безъ труда уступлю я его Маанїи, есть ли найдешь ты ее болѣе того достойною: єто чувствительной опытъ того, что я мало ей завидую, что принуждаю тебя ее искать, и здѣлаться судїею между ею и мною. Но напоминаю тебѣ, государь, что не смотря на всѣ качества, кои приписываютъ сей надмѣру счастливой Маанїи, она такую имѣетъ гордость, что не будетъ терпѣть ни малѣйшаго раздѣленїя; и естьли рѣшишь ты въ ея пользу, то надобно будетъ, чтобъ бракъ твой утвердилъ твое рѣшенїе

Нѣтъ, нѣтъ, пресѣкъ Делаваль, я хочу навсегда позабыть Маанїю, потому что Гезира ко мнѣ благосклонна; она должна мнѣ быть не нужна, затѣмъ что ты меня не ненавидишь: прїятное признанїе твоей горячности намѣреваетъ мое избранїе, и возобновляетъ мой разсудокъ. По что искать толь далеко мнимаго благополучїя, когда могу имѣть существенное съ плѣнившимъ меня предмѣтомъ? Сего довольно, примолвилъ онъ, любезная Гезира, твоя побѣда несомнительна: оставимъ

Маанію въ багдатѣ; и дабы совершить твое дѣло, упусти моему заблужденію, и соверши мое счастіе, принявъ мои клятвы. Пусть узы любви и брака сопрягутъ меня толь сильно съ тобою, чтобъ никогда мнѣ позволено не было съ тобою разлучиться, ниже упражнять умъ мой и сердце иною, кромѣ тебя.

Нѣтъ, государь, отвѣчала Гезира, я не буду причиною нарушенія твоего воображенія: ты можешь нѣкогда увидѣть Маанію, и обвинять меня тѣмъ, что я отъ тебя ее скрыла. Хочу, чтобъ разсуждалъ ты самъ собою, соотвѣтствуютъ ли качества ея распространившемуся о ней слуху? моя слава и счастіе требуютъ того, чтобъ въ присутствіи ея, родственниковъ ее и моихъ, приняла я предлагаемую мнѣ тобою честь; и я сего же дня пошлю опять въ багдатъ, дабы принудить ихъ всѣхъ меня удовольствовать. Но надежна ли ты въ томъ, отвѣчалъ Делаваль почти противъ воли, что Маанія склонится на твою прозьбу; и не находишь ли ты, что тѣмъ здѣлаешь ей досаду, естьли предприметъ она такой путь, дабы

быть

быть свидѣтельницею нашего благополучія? Я принимаю все сіе на себя, отвѣчала Гезира улыбнувшись; Манія не столь неупросима, сколь ты себѣ воображаешь; и какъ надобно тебѣ признаться, продолжала она смотря на него нѣжно, что описаніе, кое не могла я не учинить ей о Делавалѣ, описавъ ей все случившееся со мною, родило въ сердцѣ ея столь же великое желаніе тебя узнать, сколь ты имѣешь оное ее увидѣть.

Делаваль покраснѣлъ при сихъ словахъ: безпокойство его взяло паки свою силу; и не могши согласить чувствительныхъ взоровъ Гезириныхъ съ своими словами, пришелъ въ великое смятеніе. Казалось, что сія прекрасная особа его любила, и сама она въ томъ признавалась; однакожъ не завидовала тому, что чувствовалъ онъ къ Маніи: она хотѣла избавить его труда, искать ее, призывая ее къ себѣ: не изъявляла о ней толь высокихъ, какъ онъ, мыслей, а между тѣмъ признавалась ему, что сія соперница имѣетъ желаніе его видѣть. Сіи противорѣчіи приводили его въ неменшее

шее удивленіе, какъ и тѣ, кои познавалъ онъ въ собственныхъ своихъ склонностяхъ. Хотѣлъ бы видѣть въ Гезирѣ больше опасенія, его потерять, или менѣе горячности; менѣе предувѣренія противу достоинства Мааніина, или болѣе желанія предъ нею первенствовать: ласковость ея и спокойство вдругъ его плѣняли и въ отчаяніе приводили. Между тѣмъ стараясь скрывать сіи разныя движеніи, обнадеживалъ онъ Гезиру, что ее одной для него довольно: просилъ ее соединиться съ нимъ на вѣки, и оставить въ Багдатѣ страшную Гиверидину дочь; но не могъ испросить у ней принятія клятвы его безъ утвержденія ея родственниковъ, ниже медлить болѣе двухъ недѣль, не писавъ къ Мааніи, дабы пріѣхала въ Персію.

Естьли въ сіе время, государь, сказала она ему, увижу я, что получишь ты свой обыкновенной нравъ, естьли примѣчу я, что соперница моя удалится отъ твоихъ мыслей, и малыя мои достоинства возмогутъ составить твое счастіе, то не пожалѣю ничего, чтобъ учинить его совершеннымъ;

шеннымЪ; но ежели пребудешь вЪ прежней задумчивости, то готовься возстановить Маанію на мѣсто Гезиры; и не надѣйся, чтобЪ я старалась ее согнать сЪ онаго. Сія прекрасная дѣвица казалась толь твердою вЪ семЪ предпріятіи, что Делаваль, хотя что ей ни говорилЪ, однако не могЪ ее принудить кЪ перемѣненію онаго. Между тѣмЪ хотя восхищенЪ былЪ радостію, тронувЪ ея сердце, однако не досадовалЪ на то, что хотѣла она ему показать Маанію. Учрежденная имЪ переписка сЪ СидамекомЪ и Фульніею сЪ того времени, какЪ находился вЪ Испаганѣ, подкрѣпляла еще болѣе его любопытство. ОнЪ объявилЪ имЪ свое произшествіе, и облегчалЪ свое безпокойство, увѣдомляя ихЪ обЪ ономЪ; но получаемые имЪ отвѣты вмѣсто умаленія еще больше оное умножали: ибо Принцесса Гомронская писала кЪ нему безпрестанно, что не взирая на учиненное имЪ о Гезирѣ описаніе, оное уступаетЪ еще Мааніину; что красота можетЪ быть равна, но не возможно сыскать особу имѣющую дарованіи и качества сей удивленія

достойной дѣвицы, и что не прощаетъ она ему того, что вручилъ онъ другой свое сердце.

Все сїе приводило его въ недоумѣнїе, которое усугубляло ежеминутно терзающее его безпокойство. Какъ сїе состоянїе не давало ему совершенной свободы разсужденїя, то хотѣлъ разсѣять свою скуку осмотрѣнїемъ наипрекраснѣйшихъ городовъ Королевства Персидскаго, а особливо Тавриса, которой Шахъ Абасъ недавно отнялъ у Турковъ, и какъ опасался оставить Гезиру одну, и не могъ представить себѣ, чтобъ съ нею разстаться, то просилъ ее, чтобъ она ему въ пути сотовариществовала. Она на то согласилась съ тѣмъ договоромъ, чтобъ скрыть свой полъ, переодѣвшись въ муское платье, дабы избѣжать замѣшательствъ происходящихъ отъ попеченїй, кои должно прилагать о женщинѣ, дабы быть въ состоянїи провождать его всемѣстно, и наслаждаться подобно ему свободою въ осматриванїи земель, неподвергаясь опасности. Онъ похвалилъ сїе мнѣнїе; и приведши себя оба въ состоянїе оное произ-

весть.

вестъ, Делаваль просилъ Короля, дозволить ему осмотрѣть провинціи ево государства. Сей монархъ плѣненъ будучи его любопытствомъ, отпустилъ ево, прося ево, сообщить ему свои наблюденіи; и велѣлъ ево провождать двумъ придворнымъ вельможамъ, дабы отдавать приказы всѣмъ губернаторамъ, чтобъ принимали его съ честію. Делаваль взялъ съ собою также всѣхъ своихъ служителей, какъ Персіанъ такъ и Италіанцовъ; и симъ образомъ поѣхалъ въ провинціи достойнѣйшія примѣчанія въ государствѣ. Я не предпріиму описанія его путешествія, и видѣнныхъ имъ тамъ чрезвычайностей, потому что произшествіи его съ Гезирою суть одинъ предмѣтъ, на коемъ должно мнѣ остановиться: сія прекрасная дѣвица, которая слѣдовала за нимъ повсюду одѣтая Персіяниномъ и ѣдучи какъ и онъ верхомъ, подавала ему часто болѣе причинъ ко удивленію, нежели древности проѣзжаемыхъ имъ мѣстъ. Какъ записывалъ онъ свои наблюденіи о нравахъ, разумѣ и правленіи Персіанъ, и сообщалъ ей свои примѣчаніи, то

былЪ многократно приводимЪ вЪ удивленіе ея наблюденіями вЪ семЪ случаѢ о правости ея мыслей, рѢшимостей, и подаемыхЪ ему совѢтовЪ: и хотя во всемЪ семЪ показывала притворно великую простоту, и недостатокЪ просвѢщенія пріобрѢтеннаго науками, однако находилЪ онЪ вЪ ней разумЪ толь удобной кЪ воспріятію оныхЪ, что вознамѢрился по возвращеніи употребить свое время вЪ подаяніи ей нужнѢйшихЪ того изображеній.

Но какЪ разумЪ ея привелЪ его вЪ удивленіе, то великое ея мужество привело его скоро внѢ себя. ВЪ самомЪ дѢлѢ по окончаніи своихЪ разЪѢздовЪ по городу Таврису, когда воспріялЪ онЪ возвратной путь вЪ ИспаганЪ, шайка грабежныхЪ и скитающихся ТатарЪ, приведены будучи великолѢпіемЪ его экипажа вЪ искушеніе, напала на него вЪ проходѢ горЪ, коими ТаврисЪ окруженЪ. ДелавальЪ имѢлЪ больше храбрости, нежели чтобЪ устрашиться сего случая; но не могЪ не бояться о ГезирѢ: хотя тотчасЪ привелЪ себя вЪ состояніе отбить противящихся его проѢзду; однако

однако безпокойство такъ ево смущало, что обращая непрестанно на нее взоръ, не могъ бы избѣжать смерти, кою приготовлялъ ему одинъ изъ сихъ бездѣльниковъ, коего сабля поднята уже была на ево голову, естьлибы сія удивительная дѣвица не отрубила однимъ замахомъ руки сего бѣдняка. Сей ударъ удостовѣривъ Делаваля, что она столь же мужественна, сколь и прекрасна, такъ возбудилъ его, что сталъ онъ непобѣдимъ; и такъ бывъ вспомоществуемъ сею храброю дѣвицею, которая не инако устремлялась, какъ для нанесенія смерти, и всѣми своими людьми, кои носили оружіе не осталось ни одного изъ сей шайки, ктобъ не былъ убитъ, раненъ, или приведенъ въ несостояніе биться. Прекрасная Гезира производила толь удивительныя дѣла, что знаменитый ея любовникъ почитая ее за Ангела ополченнаго къ его избавленію, былъ въ готовности присоединить идолопоклоненіе къ усердію своей любви; но сія премудрая героиня приняла похвалы его съ такимъ любомудріемъ, и дала ему толь изрядно чув-

ствовать опасность, въ кою ввергало ево заблужденіе противное набожности истиннаго Хрістіянина, что не переставая чудиться, вступилъ паки въ предѣлы, кои предписывалъ ему разумъ. Между тѣмъ возвратился онъ въ Испаганъ, будучи толь преисполненъ тѣмъ, что въ немъ видѣлъ, и толь тронутъ благодарностію, что потерялъ наконецъ со всѣмъ напоминовеніе о Маніи: и вознамѣрясь не разлучаться никогда съ Гезирою, принуждалъ ее толь ревностно его осчастливить, что клялась она ему не выходить ни за ково другова; но просила ево полождать ея родственниковъ, отъ коихъ она по возвращеніи нашла письма, которыя ее увѣдомляли, что не умедлятъ они своимъ пріѣздомъ.

Сколь ни велика была нетерпѣливость, которую любовь внушала въ Делаваля, однако надлежало оной уступить его почтенію; но будучи тысячу разъ болѣе привязанъ нежели предъ своимъ отъѣздомъ, почти ее больше не покидалъ: и когда сія прекрасная дѣвица упражнялась въ отправленіи своей набожности, и онъ

онъ не могъ ее видѣть, тогда провождалъ онъ минуты ея отлученія въ ея покоѣ, разсматривая шитье, надъ коимъ приказывала она трудиться своимъ невольницамъ, или сама трудилася. Въ одинъ день когда будучи на поклонѣ у Шаха Абаса, и слыша еще похвалы о Мааніи, вошелъ онъ въ свой домъ, въ томъ намѣреніи, чтобъ итти къ Гезирѣ, коей хотѣлъ всегда жертвовать такимъ удовольствіемъ, которое чувствовалъ тогда, когда говорили о дочери Гиверидиной, и пошелъ въ ея комнату. Она тогда вышла со двора; но какъ никогда не отказывали ему туда входа, и женщины ея знали, что онъ любилъ ее тамъ дожидаться, то впустили онѣ его туда безпрекословно. Лишь только находился онъ тамъ одинъ, какъ любопытствуя узнать все ей принадлежащее, насыщалъ взоры свои смотря на многіе алмазы, коими намѣрена она была украсить кабинетъ, находящейся подлѣ ея комнаты, въ которой она въ нѣкоторые часы удалялась. Делаваль не бывалъ во ономъ никогда; но примѣ-

примѣтя, что дверь была нѣсколько растворена, движеніе, коимъ не могъ обладать, принудило его нарушить скромность, посмотрѣвъ въ чемъ она тамъ упражняется. Тотчасъ увидѣлъ онъ тамъ поставецъ съ книгами; потомъ бросивъ взоръ свой на аспидной столъ, увидѣлъ на ономъ нѣсколько книгъ, и отворенной ящичекъ, изъ котораго казалось, что выниманы бумашки по сему столу разбросанныя. Онъ взялъ одну, и увидѣлъ съ непонятнымъ удивленіемъ, что то было письмо отъ Принцессы Томронской, слѣдующія выраженіи въ себѣ содержащее:

ПИСЬМО.

Ты приводишь меня въ отчаяніе, дражайшая моя Мааніа, жестокостію, кою имѣешь, скрываясь толь долгое время отъ Делаваля. Недовольно ли ты испытала любовь его и послушаніе; и не увѣрена ли ты теперь, что онъ тебя достоинъ, равно какъ ты одна его достойна? Пожалуй покажи ему въ храброй Гезирѣ, ученую

ную Маангїю; или не почти себѣ за обиду, естьли прерву я наложенное тобою на меня молчанїе, открывъ ему сама сїю прїятную тайну.

ФУЛЬНІЯ.

Влюбленный Римлянинъ читалъ многократно сїе письмо, немогши въ томъ вѣрить глазамъ своимъ; будучи объятъ радостїю и удивленїемъ, не могъ еще того уразумѣть, когда нашелъ подъ ея рукою писанное самою Гезирою, и хотя знать, что то такое, увидѣлъ, что переводила она на латинской языкъ книгу весьма любопытную историческими примѣчанїями, коими она была наполнена, и различїемъ языковъ, изъ коихъ состояла, Арабскаго, Еврейскаго и Халдейскаго; потому что казалось, будто Авторъ веселился тѣмъ, чтобъ показать свое знанїе симъ удивительнымъ смѣшенїемъ. Делаваль нашелъ ее въ библїотекѣ Испаганской, и выпросилъ ее для переводу; и какъ онъ читалъ во ожиданїи Гезиры, то оставлялъ оную въ ея комнатѣ Какъ переводъ сей любезной дѣвицы былъ уже доволь-

но пространенъ, чтобъ показать, сколь великое знаніе имѣла она въ сихъ различныхъ языкахъ, и въ латинскомъ краснорѣчіи, то восхищался онъ удивленіемъ; и не могши онаго сокрыть въ себѣ: боже великій! вскричалъ онъ, такъ ето правда, что Гезира есть сама Маанія, и что я соблюдаю въ домѣ моемъ сіе чудесное натуры твореніе! Она вошла въ кабинетъ, когда здѣлалъ онъ сіе восклицаніе, и разсудя по видѣнному ею, что она открыта, покраснѣла; и не смѣла почти подойти, какъ Делаваль ее увидѣлъ. Онъ не далъ ей времени говорить, и бросясь къ ногамъ ея: несравненная и надмѣру жестокая Маанія, сказалъ ей, естьли нарушилъ я скромность, вошедъ въ сей кабинетъ, и видѣлъ противъ воли твоей, что я наисчастливѣйшій изъ всѣхъ смертныхъ; то одинъ незапной случай здѣлалъ меня виновнымъ, и преступленіе мое извиненія достойно; но какъ могу я тебѣ простить твою недовѣренность, и что ты толь долгое время скрывала отъ меня то сокровище, по которомъ ты знаешь, что сердце

мое

мое съ толикимъ усердіемъ стенало.

Прекрасная и разумная Мааніа пришедши въ себя во время сихъ словъ, принудила его встать, и страстно посмотрѣвъ на него: я хотѣла тебѣ понравиться, государь, сказала ему, не будучи за то обязанною высокому мнѣнію, которое подали тебѣ обо мнѣ чрезвычайныя похвалы страстныя пріятельницы. Я хотѣла, чтобъ моя особа, старанія и угожденія, преимуществовали предъ моею славою; дабы когда ты меня совсѣмъ узнаешь, и не найдешь во мнѣ того, что тебѣ сказывали, не покинулъ меня любить, и не разорвалъ узъ, коими желала быть съ тобой сопряжена. Я почитала за нѣжное и новое удовольствіе, видя тебя влюбленнаго вдругъ въ мою особу и въ мое имя: сіи двойныя узы, сопрягающія любовь съ почтеніемъ, дѣлали меня къ удовольствію моему самой себѣ соперницей, и я ожидала только пріѣзда дорогой матери, дабы показать тебѣ маанію не такову, какъ ее тебѣ описали; но такову, какова она есть; и почитаю себя стократно славнѣе, что возбудила

дила я твое любопытство, нежели слабыми преимуществами полученными мною отъ натуры. Не возможно описать удовольствїя Делавалева въ сїю минуту: вся его философїя не могла устоять противъ сей безмѣрной радости, и изъявивъ оную восторгомъ, думалъ что не можетъ довольно возблагодарить бога, за соблюденїе для него сей несравненной дѣвицы; и вспомнивъ тогда о сказанномъ ему Принцемъ Гомронскимъ: о Сидамекъ! вскричалъ онъ, ты имѣлъ причину увѣрять меня, что движенїи радости или печали, кои страсть возбуждаетъ въ сердцахъ нашихъ, не могутъ заставить себя чувствовать съ умѣренностїю. Ибо на конецъ, продолжалъ онъ, кажется мнѣ, возлюбленная моя Маанїя, что я не имѣю довольно голоса, чтобъ торжествовать мое благополучїе, ниже довольно одного сердца, чтобъ принести тебѣ на жертву.

Государь, отвѣчала она ему, не сомнѣвайся, чтобъ горячность твоя не составляла всего моего благоденствїя. Однакожъ, примолвила она покраснѣвши, дозволь, чтобъ осмѣлилась я попросить тебя, дабы умѣрялъ

рялъ ты свою къ тому ревность. Естьлибы ты былъ одинъ изъ смертныхъ, коему бы надлежало любить совершенно, то что бы осталось Маанiи для Делаваля? Любовь раздѣляемая съ любимымъ предмѣтомъ становится тѣмъ чище, что будучи чужды отъ страха, смятенiя и безпокойства; увѣрены понравиться другъ другу, разумъ беретъ свое властвованiе, мудрость сопрягается съ любовiю, и достигаютъ до того, что безъ стыда другъ другу объявляютъ то, что внушаетъ она наичувствительнѣйшаго. Влюбленный Римлянинъ, видя по тонкости ея рѣчей, что она опасается, дабы не простеръ онъ далеко восхищенiй своего пламени, принудивъ себя для увѣренiя ея положилъ тому предѣлы. Прекрасная Маанiя сказалъ онъ ей, не опасайся ничего о жестокости моей страсти, хотя ты кажешся быть одна со мною, однако есть около насъ невидимая стража, бдящая непрестанно надъ славою и надъ всѣми моими дѣлами: стыдливость и добродѣтѣль тебѣ сродны, а мнѣ почтенiе и глубокое подобострастiе, я не выду

 никогда

никогда изъ предписанныхъ ими мнѣ правилъ, ты приняла меня за своего брата; а я не покину сего имени и поступка прежде, пока не перемѣнишь ты его въ имя супруга. При сихъ словахъ давъ ей руку, вывелъ ее въ комнату, гдѣ собраны были ея дѣвушки, и просилъ ее увѣдомить его о истиннѣ своихъ приключенiй. Во всемъ мною тебѣ сказанномъ, государь, отвѣчала она ему, скрыла я отъ тебя только мое имя, и мѣсто, куда намѣрена я была ѣхать: я знаю, что свѣдомо тебѣ то, коимъ образомъ узнала я княжну Якскую, остается мнѣ только увѣдомить тебя о томъ, что случилось со мною по отъѣздѣ ея изъ багдата. Я возъимѣла толь нѣжное къ ней дружество, что не безъ прискорбности съ нею разлучилася, употребляла всю власть данную мнѣ отъ ней надъ собою, дабы принудить ее оставить Магометанской законъ, и мнѣ бы посчастливило, естьли бы страсть не влекла ее къ Сидамеку, коего образъ непрестанно истреблялъ въ ней то, что силилась я ей внушить: сiе подало мнѣ знать, что оное обращенiе мнѣ не предоставлено.

ставлено. Она покинула меня съ сожалѣнїемъ, и обѣщала подавать о себѣ извѣстїе, когда будетъ спокойнѣе. Нѣсколько дней спустя послѣ ея отъѣзда, смерть похитила у меня Гивериду моего родителя; и сей уронъ сопряженный съ немногими прїятностьми, кои мы, я и мать моя находили въ багдатѣ, гдѣ не могли мы явно отправлять нашего Католическаго исповѣданїя, побудилъ насъ принять намѣренїе, ѣхать въ Персїю, гдѣ мы знали, что Шахъ Абасъ дозволялъ свободное оной отправленїе: но мать имѣя получить нѣкоторое наслѣдство въ Мардинѣ, мѣстѣ моего рожденїя, хотѣла туда съѣздить, прежде нежели покинетъ со всѣмъ Дїарбекъ.

Между тѣмъ опасаясь столькожъ оставить меня одну въ багдатѣ, сколько взять съ собою въ Мардинъ, была въ недоумѣнїи, что дѣлать; какъ увидѣли мы прибывшаго въ домъ нашъ нарочнаго отъ княжны Фульнїи, коему поручено было отъ ней обстоятельное описанїе писанное ея рукою, о всѣхъ ея приключенїяхъ послѣ нашего разлученїя, и которой

привезъ ящичекъ съ алмазами, которой ты видѣлъ, государь; прибавя къ сему знатному великодушiю, усердную прозьбу, чтобъ я ѣхала въ Гомронъ, куда она тогда возвратилась, между тѣмъ какъ Сидамекъ и ты мстили за нее въ Якѣ вѣроломной ея невольницѣ: она просила меня еще, чтобъ прiѣхала я въ какомъ нибудь екипажѣ, что посланной отъ нея человѣкъ будетъ намъ служить проводникомъ, и что въ желанiи, кое имѣла я, ѣхать въ Персiю, не могла я найти толь изряднаго случая, какъ отправясь туда съ тобою, государь, долженствующимъ туда ѣхать послѣ ея бракосочетанiя.

Не надлежитъ мнѣ скрыть отъ тебя, что учиненное о тебѣ въ семъ писмѣ изображенiе, и желанiе, кое она оказывала, видѣть вмѣстѣ двухъ особъ въ свѣтѣ, по обьявленiю ея толь другъ друга достойныхъ, возбудили во мнѣ сильнѣйшую охоту, тебя узнать, и я почувствовала еще скоряе себя готовою, отправиться въ путь, нежели Фульнiя отъ дружества моево того требовала. Мать моя чувствуя безмѣрно

мѣрно дружбу сея Княжны, и находя чрезъ то способъ согласить сей отъѣздъ съ моею безопасностью, вознамѣрилась меня отпустить, а сама хотѣла ѣхать въ Мардинъ, и догнать меня въ Гомронѣ, гдѣ надлежало мнѣ ее дожидаться: и такъ расположивъ въ дому своемъ все, дала мнѣ двухъ невольницъ для услуженія, и двухъ мущинъ для провожденія меня съ Гомронцомъ, и тогоже утра оставили мы Багдатъ; она поѣхала въ Мардинъ, а я въ Могостанъ. Мой путь былъ благополученъ до самаго постоялаго двора, гдѣ хотѣла я отдохнуть, и въ коемъ подлые мои проводники вручили меня Туркамъ, коихъ ты храбростію своею отправилъ на тотъ свѣтъ. Между тѣмъ не надлежитъ мнѣ равнять съ ними проводника присланнаго отъ Княжны, сей человѣкъ защищалъ дверь моей комнаты съ такимъ мужествомъ, которое стоило ему жизни; ибо Турки дали ему множество смертельныхъ ударовъ. Ты знаешь остатокъ, Государь, потому что въ сей день осталась я тебѣ должна моею честію и вольностію:

естьли бы рука моя была ополчена, я бы безъ опасенія разделила опасность, коей ты для меня подвергался; но не думая имѣть нужды въ сей помощи, пренебрегла я сію предосторожность. Когда подошелъ ты ко мнѣ послѣ одержанной тобою побѣды, тогда предупрежденная въ пользу твою оказанною тобою мнѣ услугою, и нашедшая въ твоей особѣ тѣ поразительныя черты, кои плѣняютъ сердца при первомъ свиданіи, не могла я защититься отъ движенія печали, почитая тебя за Персіанина, и слѣдовательно со всѣмъ противнаго моему закона. Между тѣмъ желая узнать, кому я тѣмъ долженствую, спросила утебя, кто ты таковъ, надѣясь, что ты можетъ быть, довольно знатенъ при дворѣ Персидскомъ, чтобъ меня тамъ защитить. Разсуждай, государь, о моей радости, и удивленіи, когда увѣдомилъ ты меня, что ты Делаваль.

Я увидѣла съ крайнимъ удовольствіемъ, что княжна Фульнія меня не обманула во всемъ ею ко мнѣ писанномъ, и чувствуя себя весьма готовою къ желаемому ею соединенію,

нію, вознамѣрилась никогда тебя не покидать, но скрывать отъ тебя мое имя и породу, дабы лутче узнать, что ты обо мнѣ думаешь, и успѣхъ, которой молва учинила надъ твоимъ сердцемъ, стараясь понравиться тебѣ подъ именемъ Гезиры. Ты сказалъ мнѣ, что одно любопытное желаніе влекло тебя въ Багдатъ; но что я надъ онымъ торжествую, и что ты ни очемъ болѣе не мыслишь, какъ меня провождать, куда бы я ѣхать ни похотѣла. Вообразила себѣ безъ труда, что я была виною сего пути; и дабы отвратить тебя отъ того, просила тебя отвесть меня въ Персію, вознамѣрясь, не объявлять тебѣ, кто я, пока не буду обнадѣжена, что даръ твоего сердца послѣдуетъ твоей клятвѣ. На десятой день послѣ нашего сюда прибытія отправила я двухъ человѣкъ въ Багдатъ и въ Гомронъ; одного, дабы увѣдомить мать о моемъ произшествіи, и вывесть ее изъ смущенія, а другаго, дабы извѣстить о томъ Фульнію. Какъ оба сіи гонца отправили точно свои комиссіи, то Ситти Гиверидша увѣдомила меня,

что не умедлитъ ко мнѣ пріѣхать: а отъ Принцессы Гомронской получила я множество ласковыхъ поздравленій съ счастіемъ, кое имѣла, быть съ тобою. Съ сего времени не переставала я имѣть съ нею тайную переписку, коею она пользуясь, принуждала меня, дать тебѣ знать Мааню; а теперь вошедъ въ твой домъ получила я письмо отъ моей матери, которая увѣдомляетъ меня, что прежде прошествія недѣли сюда будетъ: вотъ, государь, то, что ты желалъ знать; я видѣла любовь твою возрастающую къ Гезирѣ а почтеніе твое къ Маанін; познала съ удовольствіемъ, что дѣлили онѣ твое сердце, и что сіе раздѣленіе казалося тебѣ въ разсужденіи меня порокомъ. Я могла безъ опасенія соединить твои склонности, увѣдомивъ тебя, что и та и другая составляютъ одну особу; и ожидала присутствія даровавшей мнѣ жизнь, дабы тебѣ въ томъ изъясниться; должность моя и горячность къ ней не дозволяютъ мнѣ соединиться съ тобою, прежде нежели она тебя увидитъ, и будетъ свидѣтельницею моего благополучія: я уже знаю,

что

что она похвалитъ мой выборъ, и что воля ея согласится съ моимъ сердцемъ; а безъ сего согласія, смѣю тебя увѣрить, что не зналъ бы ты учиненной надъ онымъ заразы, сколь бы ни великое мученіе причинило мнѣ такое насиліе.

Прекрасная Маанія перестала говорить; а Делаваль немогшій довольно ее наслушаться, дѣлалъ ей еще нѣжныя укоризны за то, что отъ него скрывалась, дабы принудить ее къ продолженію толь приятнаго разговора, что и учинила она, изъясняясь въ толь благородныхъ выраженіяхъ и въ толь нѣжныхъ словахъ, что онъ тѣмъ плѣнился. Но пуще всего прельщало его искреннее ея любомудріе въ разсужденіи собственнаго ея достоинства, зная все, и думая не знать ничего: она бы и не показала ему никогда всего своего знанія, естьлибъ не принудилъ ее къ тому своими вопросами, и съ крайнимъ увидѣлъ онъ удивленіемъ, что она уподоблялась величайшимъ Философамъ, и что тѣхъ семеро, коимъ Греція по преимуществу приписала титулъ Мудрецовъ, не болѣе ея

то заслуживали. ВсѢ языки, на коихъ писала, были для ней какъ природные; наиученѢйшіе Авторы Арабскіе, Еврейскіе, Греческіе и Латинскіе, были ей знакомы: а разумъ ея былъ тонокъ, остръ и проницателенъ, примѢчаніи ея глубокомысленны; заключенія справедливы, а мысли высокопарны. Одарена была всѢми частями краснорѢчія; и не говоря такъ какъ другія, слова ея были непринужденны; была благоразумна, умѢренна, набожна, щедра и мужественна; и можно обнадѢжить, что Ситти Мааніа Гиверида была чудо достойное удивленія всей вселенной.

Делаваль отъ сего дня открывавшій въ ней ежеминутно новыя качества, смертельно въ нее влюбился, и любовь его была скоро равна знаменитому достоинству той, которая оную возбудила. Но естьли любилъ онъ съ жаромъ, то былъ и любимъ не менше; и хотя Мааніа слышала со всѢхъ сторонъ о имени своемъ похвалы, однако довольствуясь тѢмъ, что понравилась Делавалю, не хотѢла ни съ кемъ обходиться, кромѢ отмѢнныхъ его

друзей. Между тѣмъ влюбленный Римлянинъ, и сія несравненная дѣвица, видя приближающійся день прибытія Ситти Гиверидши, поѣхали къ ней на встрѣчу нѣсколко миль отъ Испагана. Радость сей ласковой матери была неудобъ изобразима, увидя паки знаменитую Маанію, а сей прекрасной особы не менѣе; обниманіи ихъ были многократно повторяемы; Гиверидша изъявила свою благодарность Делавалю съ такимъ видомъ, которой показывалъ, что почитаетъ она бракъ его съ Мааніею за награжденіе, которое Небо даруетъ ему за его добродѣтель.

Таковыя чувствованіи не могли не тронуть сердца его, и такъ отвѣтствовалъ на то, какъ человѣкъ плѣненной своимъ счастіемъ, и овладѣлъ толь совершенно сердцемъ сей госпожи, что она прибыла въ Персидскую столицу съ толикою же нетерпѣливостію, видѣть дочь свою съ нимъ сопряженную, колико онъ имѣлъ оной, обладать ею. Желаніи ихъ неумедлили исполниться; празднество сего брака торжествовано было не много дней спустя въ церквѣ

ковъ Арменїанъ римско католическихъ. Никогда чета не бывала нигдѣ столь довольна своею судьбою. Между тѣмъ Делаваль находился въ такой милости у Шаха Абаса, что не могъ не обидя его скрыть отъ него свое произшествїе будучи въ прочемъ обнадѣженъ, что не будетъ оное долго незнаемо, и что надобно ему первому его о томъ увѣдомить; что и учинилъ онъ на третей день своего брака.

Сей монархъ искренно тому радовался, и изъявилъ ему такое желанїе, видѣть Маанїю, что не могъ онъ отказать ему въ семъ удоволствїи. Хотя сїя прелестная женщина не любила велелѣпїя и величавости; однако слѣдуя единственно волѣ своего супруга, готовилась къ сему свиданїю, которое произошло съ знатностїю и великолѣпїемъ, показавшими всему двору Персидскому дружбу Шаха Абаса къ Делавалю, и высокое его къ Маанїи почтенїе.

Онъ опредѣлилъ самъ колесницу, въ коей надлежало ей ѣхать во дворецъ; велѣлъ оную окружить своею гвардїею, поставилъ въ рядъ по обѣимъ

имъ сторонамъ тѣхъ комнатъ, гдѣ ей проходить надлежало, всѣхъ дамъ своего двора, и встрѣтилъ самъ ее въ передней, гдѣ подавъ ей руку проводилъ до Королевы: тамъ сняла она свое покрывало, и показала глазамъ сего великаго двора удивительную красоту, коею одарило ее Небо наградившее ее по божественной своей власти огромностїю разума и добротою душевною. Естьлибы Маанїя полагала свою славу въ похвалахъ людскихъ, то бы прямую имѣла причину быть собою довольной въ сїю минуту. Крикъ онъ удивленїя подымающїйся при ея взорѣ, честь ей оказуемая, почтенїе ей отдаваемое, и похвалы приписуемыя всѣмъ ея поступкамъ довольно бы ласкали ея самолюбїе; но будучи всегда благоразумна и цѣломудренна, принимала сїи роды почтенїя съ умѣренностїю свойственною такой особѣ, которая долженствуетъ оными единственно ласкательству и ослѣпленїю человѣческому. Королева Персидская осыпала ее ласканїями а Шахъ Абасъ почелъ за совершенное натуры творенїе: онъ одарилъ ее великолѣпно, и принималъ искрен-

искренное участіе въ благополучіи Делавалевомъ. Сія первая поступка Маанїина при дворѣ Персидскомъ, принудила его къ другимъ, потому что знатнѣйшія дамы Испаганскія хотѣли имѣть ту выгоду, чтобъ видѣть ихъ въ своихъ домахъ, и какъ набожность ея преимуществовала предъ всѣми другими ея качествами, то не дѣлала она никакого затрудненія склониться на ихъ прозбу въ томъ намѣреніи, чтобъ пользуясь тѣмъ вывесть ихъ изъ темноты, въ коей вѣра ихъ имъ жить повелѣвала.

Она имѣла счастіе просвѣтить знатное число оныхъ, и не менѣе говорили о чинимыхъ ею обращеніяхъ, какъ о наукѣ ея и красотѣ. Делаваль почитавшій ея за видимаго Ангела, коего Провидѣніе ему послало, дабы предводительствовать имъ и утверждать его въ добродѣтеляхъ, благословлялъ стократно тотъ день и часъ, въ которые дало оно ему сію знатную сообщницу, которая соотвѣтствовала любви его и горячности наисовершеннѣйшею склонностію. Они увѣдомили Принца и Принцессу Гомронскихъ

о своемъ

о своемъ сочетанiи, и получилъ отъ оныхъ поздравленiи достойныя ихъ дружества, и усерднѣйшiя прозьбы прiѣхать въ Могостанъ. Прекрасная Маанiя, которая любила Фульнiю, и охотнобы желала привесть въ число обратившихся въ Православiе, изъявила толь великое къ тому желанiе Делавалю, что сей нѣжный супругъ прiнявшiй было намѣренiе возвратиться въ Италiю, и освѣтить Римъ такимъ солнцемъ, коимъ по мнѣнiю ево довольно освѣщалъ Персiю, склонился на ея прозбу, невзирая на усильное сопротивленiе Шаха Абаса къ ихъ удержанiю, и на слезы всѣхъ Испаганскихъ христiанъ, кои думали лишиться въ Маанiи наисильнѣйшiя своея подпоры. Но какъ не хотѣла она ихъ во все оставить, и какъ всѣ ея родственники прибыли въ Испаганъ, кои подражали ей покинувъ церемонiи халдейскiя и принявъ римскiя, хотя церковь ихъ не отвергаетъ, то оставила она ихъ въ Персiи съ довольнымъ достаткомъ, дабы продолжать ею начатое: и когда Делаваль учредилъ дѣла свои такъ, что могъ ѣхать, то простились они съ Королемъ и Королевою,

кои

кои съ крайнею прискорбностїю съ ними разстались; и будучи отягощены подарками, снабдѣны похвалами и честїю, оставили они Испаганъ со всемъ своимъ Экипажемъ, и отправились въ Могостанъ,

Путь ихъ былъ счастливъ до Мины, гдѣ Делаваль имѣлъ намѣренїе ожидать кораблей, дабы переѣхать въ Индїю, а оттуда въ Европу. По приказанїю Сидамекову предускорившему ихъ прїѣздъ приняты они тамъ съ неслыханною честїю; Маанїя почитаема тамъ была какъ Королева; а на другой день ихъ прїема увидѣли они прибывшихъ туда Принца и Принцессу Томронскихъ, кои для удовлетворенїя своей нетерпѣливости, кою имѣли ихъ облобызать, прїѣхали сами за ними, чтобъ проводить ихъ въ свою столицу. Радость сихъ четырехъ знатныхъ супруговъ, увидя другъ друга, была несказанна; и тамъ то дружество, благодарность и удивленїе, произвели въ дѣйство то, что имѣютъ они нѣжнѣйшаго и чувствителнѣйшаго. Никогда Маанїя не бывала толь прекрасна и не казалась толь довольною, и никогда

никогда Делаваль не былЪ ею столь плЪненЪ и обожаемЪ, какЪ тогда. Но увы! сколь мало человЪкЪ долженЪ полагаться на вещи житейскія, и сколь счастіе ево тлЪнно, когда состоитЪ оно во обладаніи твари.

ВЪ самой вечерЪ прибытія Принца и Принцессы, и какЪ были они еще вЪ восхищеніяхЪ и удовольствіи, увидя Делаваля и прелестную его супругу, сія прекрасная женщина крайне занемогла; жестокая горячка овладЪла ею, и принуждены были положить ее вЪ постелю вЪ такой часЪ, когда думали только о забавахЪ и удовольствіи. Призвали немедлЪнно самыхЪ искусныхЪ врачей; но все ихЪ знаніе не могло прервать горячки; на третей день обЪявили они Делавалю, что Маавіи надлежало умереть. Думаю, что довольно изобразилЪ я любовь сего супруга, дабы не быть принуждену описывать отчаяніе его при сей ужасной вЪдомости: сія картина превосходитЪ мои силы; одно сердце сильно пріуготовить для ней пристойныя краски; и я оставляю попеченіе о томЪ тЪмЪ, кои опасаются потерять то, что любятЪ, или кои уже,

 можетЪ

можетъ статься, чувствовали подобные удары. Но то еще пуще здѣлало печаль Делавалеву совершенною, что принужденнымъ себя увидѣлъ, увѣщевать самому Маанію къ смерти: будучи окруженъ Магометанами, и людьми мало свѣдущими о нашихъ Таинствахъ, онъ одинъ могъ на себя принять плачевное сіе попеченіе. Принцесса Гомронская имѣла довольно разума и пріятностей, дабы оные ей повѣрить, хотя была она и противнаго исповѣданія; но не могла она никогда къ тому вознамѣриться: а Сидаменъ былъ столько углубленъ въ Магометанство, что не возможно ему было того поручить. И такъ надлежало, чтобъ Делаваль, пораженный злобнѣйшею стрѣлою, обремененный жесточайшею печалію, и готовый отъ оной разстаться съ свѣтомъ, здѣлалъ самъ сіе ужасное себѣ насиліе,

Умирающая Маанія въ безмѣрной своей болѣзни хранящая совершенной свой разумъ, и чувствовавшая приближеніе своея кончины, не долго пребывала, не проникнувъ причины слезъ, кои видѣла въ округъ себя проливаемыя. Смущеніе ея супруга

руга, и жалостное состоянїе, въ коемъ онъ находился, въ томъ ее удостовѣрили. Сидящїй въ головахъ ея постели, устремившїй на нее глаза свои, измѣнившїйся въ лицѣ, непрестанно испускающїй глубокїе вздохи, и часто цѣлующїй прекрасныя ея руки, не могши вымолвить ни одного слова, легко онъ ей знать далъ о происходящемъ въ душѣ своей. Вижу довольно, дражайшїй мой Делаваль, сказала она ему, привставъ дабы его обнять, что время то наступило, коему довлѣетъ насъ разлучить; и чувствую въ сердцѣ моемъ все то, что стоитъ твоему меня о томъ увѣдомить. Да, государь, продолжала она вздохнувъ, ето слово весьма ужасно сказать; но сколь оно сладко слуху умирающаго, когда вымолвлено бываетъ тѣмъ, ково нѣтъ миляе въ свѣтѣ. О! Делаваль: въ сїю то бѣдственную минуту познать можно родъ горячности сопрягающей два сердца одно съ другимъ: естьли любилъ ты меня только для собственнаго своего удовольствїя, естьли мыслилъ ты только о себѣ въ своей любви, то не можешь довольно предаться

твоему отчаянію, ниже дать чувствамъ твоимъ довольно владычества надъ твоимъ разумомъ; но естьли горячность твоя была чистая, естьли любилъ ты меня столько для меня самой, сколько для себя, и когда во всѣхъ дѣлахъ польза моя преимуществовала предъ твоею, то не долженъ ты опасаться ободрять меня къ совершенію дней моихъ съ чувствами твоихъ достойными: ты долженъ оставить мнѣ сожалѣніе о жизни, стольже бѣдственное моей душѣ, сколь и моей славѣ.

Думаю, что надлежитъ мнѣ умереть, и силюсь къ тому приуготовиться; но всякъ себя всегда ласкаетъ: и сколь кто ни преданъ соизволенію Вышняго, однако есть жестокой оборотъ къ жизни въ женщинѣ моихъ лѣтъ. Отъ кого же могу я ожидать потребной мнѣ твердости, естьли не отъ тебя; и не долженъ ли ты помышлять, что составивъ все мое благополучіе въ семъ свѣтѣ, долгъ твой велитъ удостовѣрить спокойствіе мое и въ будущемъ? О! совершеннаго удивленія достойная жена, вскричалъ

Делаваль

Делаваль залившись слезами, развѣ думаешь ты, что въ моей состоитъ власти, увѣдомить тебя о моей смерти, пріуготовляя тебя къ твоей? Можешь ли ты вообразить себѣ, чтобъ пережилъ я твой уронъ; и что легко мнѣ внушать въ тебя бодрость, которой я самъ не имѣю? Я столько любилъ тебя для тебя одной, что естьли бы властитель нашего жребія восхотѣлъ принять жизнь мою въ замѣну твоея, то бы не колебался я ни минуты оную принести ему на жертву. И такъ не оскорбись, о! дражайшая моя Маанія, моею печалію и слабостію, и будь на противъ того довольна тѣмъ, что добродѣтель твоя подкрѣпляетъ еще и мою; и что не забывая того, что я, не сокращаю дней, кои будутъ уже безъ тебя ужасныя для меня ночи.

Онъ не могъ больше вымолвить ни слова; всхлипыванія пресѣкли ево голосъ; и печальная но набожная Маанія сжавъ голову ево въ слабыя свои руки, употребила остатокъ своего краснорѣчія къ его утѣшенію. Сидамекъ, Фульнія, и большая часть вельможъ ихъ двора, кои

ихЪ провождали, и присутствовали при семЪ жалостномЪ зрѣлищѣ, заливалися слезами. Между тѣмЪ Делаваль желая показать своей супругѣ, что естьли не могЪ онЪ имѣть желанной ею твердости, то умѣлЪ по малой мѣрѣ себя принудить, удержавЪ безмѣрную свою печаль, помышлялЪ уже только о томЪ, чтобЪ утверждать ее вЪ благоговѣйныхЪ мысляхЪ, коихЪ она подавала толь изрядные знаки: и сія несравненная жена прося его выттти, упражнялась уже отЪ сея минуты вЪ вещахЪ небесныхЪ; и скончалась на другой день сЪ постоянствомЪ и чувствами толь Христіянскими, что внушила оныя и вЪ МагометанЪ, бывшихЪ свидѣтельми ея кончины.

ПринцЪ и Принцесса Гомронскія хотѣли вывесть Делаваля, боясь дѣйствій его отчаянія; но какЪ душа ево укрѣпилась помощію вѣры, то принялЪ онЪ сей ударЪ какЪ философЪ и ХристіанинЪ: и не бравЪ болѣе никакова участія вЪ забавахЪ свѣтскихЪ, вознамѣрился отвезти вЪ отчизну печаль свою и тѣло знаменитыя своея супруги. Для

сего

сего приказавъ оное балсамировать и положить въ ящикъ, нанявъ перьвой корабль, дабы взойти на оной, Сидамекъ и Фульнія проводили его съ великолѣпіемъ до пристани, не преставая проливать слезы; и простившись, несчастной Делаваль взошелъ на корабль съ печальнымъ своимъ екипажемъ. Какъ взоръ тѣла Мааніина составлялъ единое его утѣшеніе, то препровождалъ дни и ночи въ разсматриваніи онаго; и возилъ его такимъ образомъ чрезъ всю Индію и во всѣхъ своихъ путешествіяхъ, четыре года продолжавшихся. На конецъ привезъ въ Римъ, гдѣ похоронилъ подлѣ родственниковъ своихъ Делавалей въ церьквѣ С: Маріи Арацельской, посреди капели Святаго Павла. Сія церемонія отправлялась съ толикимъ же великолѣпіемъ, колико она была плачевна. Катафалкъ возвышенный на супротивъ капели окруженъ былъ двѣнатцатью фигурами представляющими всѣ добродѣтели, держащія каждая вѣнецъ надъ Катафалкомъ; а на всякомъ Піедесталѣ вырѣзаны были Епитафіи на разныхъ языкахъ, кои сія несравненная жен-

щина разумѣла, то есть, на Халдейскомъ, Италіанскомъ, Французскомъ, Ишпанскомъ, Португалскомъ, Персидскомъ, Турецкомъ, Арменіанскомъ, Латинскомъ, Греческомъ древнемъ и новомъ, и Арабскомъ. На одномъ изъ Піедесталей вырѣзанъ былъ гербъ Делавалевъ и вензловое имя Мааніино; ибо восточные жители имѣютъ только вензели: имя сей несравненной женщины составлено было изъ буквъ знаменующихъ на Халдейскомъ языкѣ: *Маанія служащая Богу*. Хотя сіи произшествіи находятся въ нѣкоторыхъ писателяхъ, однако думалъ я, что не надлежало мнѣ ихъ пропустить; ласкаясь что будутъ имѣть еще больше удовольствія видя ихъ въ послѣдствіи повѣсти, нежели искавъ въ различныхъ руководствахъ. Мша въ день сихъ великолѣпныхъ похоронъ пѣта была съ музыкою и Делаваль во всѣхъ прилагаемыхъ имъ о сей церемоніи попеченіяхъ, воображающій себѣ видѣть Маанію присутственну, и коего печаль власно, какъ облеченная въ употребляемыя имъ движеніи, думая, что никто не силенъ похвалить

похвалить по достоинству ево супругу, хотѢлЪ самЪ говорить надгробную проповѢдь: что и учинилЪ вЪ присутствїи великаго числа слушателей. Но какЪ рѢчь его привела ему на память изящныя качества Маанїины, и огромность претерпѢвшаго имЪ урона, то тронутЪ былЪ толь чувствительно, что понудивЪ все собранїе кЪ пролитїю слезЪ, всхлипыванїи ево задушили, и принудили выйти, не могши совершить имЪ начатаго; потомЪ привели его вЪ домЪ столь жестоко тронута сею смертїю, какЪ будто оная только послѢдовала для ево погибели; и послѢднимЪ долгомЪ ей оказаннымЪ, увидя себя невозвратно разлученна сЪ тою, которая его какЪ живая такЪ и мертвая упражняла, впалЪ вЪ толь глубокую задумчивость, что оная лишила его жизни не много дней послѢ того спустя; оставя потомкамЪ вѢчные знаки памяти любви своей и жалости.

* *

*

*

XIV. НОВОСТЬ.

Удалерикъ, принцъ Богемской.

Когда Болеславъ третій того имени, Герцогъ Богемскій, потерялъ оплошностію, неправосудіемъ и жестокостію свои области, и былъ приневоленъ подданными оставить свое отечество, тогда наложили они корону на Якомира старшаго изъ ево сыновей, которой своими добродѣтельми обѣщалъ имъ благополучнѣйшую судьбину. Принцъ Могенъ, воспитавшій ево и брата ево Удалерика, не мало способствовалъ къ возведенію его на престолъ; и хотя имѣлъ онъ къ Болеславу

---

* *примѣч*: слѣдующія. XI. XII. XIII. новости, двѣ подъ титуломъ *знатные неприятели.* а третія *Історія Дона Алпареца де Прадо* переведены и напечатаны въ 1764 году незнаемымъ мною издателемъ особливою книгою, которая названа: *Любовь сильнѣе дружбы ишпанская повѣсть* и продается въ академической книжной лавкѣ.

Болеславу непреоборимую ненависть во внутренности своея души, однако какъ государство избрало его правителемъ во время малолѣтства Принцевъ, то думалъ, что не надлежало имѣть къ нимъ такихъ склонностей, коихъ они не заслужили, и что дѣти могли нѣкоторымъ образомъ загладить преступленіи отца, которой жестокою политикою погубилъ всю знатную Фамилію Вершовичей, съ коей Могенъ былъ въ родствѣ, выдавъ сестру свою за послѣдняго изъ сего дому, которой уединенною своею жизнію и малымъ честолюбіемъ думалъ быть въ безопасности отъ неправосудія Герцога Богемскаго. Но Болеславъ знавшій, что Вершовичи имѣли права почти неопровергаемыя на корону, не могъ наслаждаться покоемъ, пока не искоренилъ остатковъ оныхъ, и не умертвилъ его съ двумя сыновьями, коихъ невинность и нѣжная юность несильны были привесть его въ жалость. Варварское его свирѣпство простерлось бы и до Принцессы его супруги и двухъ лѣтней ихъ дочери, естьли бы Принцъ Могенъ не свободилъ ихъ

отъ

отъ его тиранства скорымъ побѣгомъ, и не обнародовалъ бы потомъ ихъ смерти. Вся богемія повѣрила тому тѣмъ наипаче, что было доказательно, что естьлибы сія Принцесса была жива, то бы искала она пристанища у иностранныхъ Принцевъ, и знали бы мѣсто ея убѣжища, и такъ болеславъ увѣренъ будучи, что не осталось никакова отросля сего дому, не безпокоился о томъ болѣе.

Между тѣмъ богемцы искренно будучи тронуты несчастіемъ любимой ими фамиліи; и боясь, чтобъ Якомиръ и Удалерикъ не наслѣдовали жестокостей своего отца, коихъ онъ повсядневно подавалъ кровавые знаки, принудили его вручить Принцу Могену попеченіе о ихъ воспитаніи. Гнусность вліянная въ него поступкою болеслава принудила его удалиться отъ двора, и жить уединненно: но знатнѣйшіе вельможи богемскіе толь усильно его просили оставить свое уединеніе, дабы воспитать Принцевъ, что не взирая на ненависть свою къ Герцогу, уступилъ оною блаженству своего отечества, ласкаясь

что

что разумныя его наставленiи произведутъ государей достойныхъ правленiя, и что можетъ онъ подъ ихъ владѣнiемъ показать себя будучи отъ страху принужденъ скрываться отъ взора всего свѣта. Въ самомъ дѣлѣ опытъ учиненный имъ надъ Принцами ево не обманулъ; Удалерикъ и Якомиръ такъ соотвѣтствовали его старанiю, что возобновили всю его надежду; и когда Болеславъ увидѣлъ себя принужденнымъ искать прибѣжища у иностранныхъ Принцевъ мщенiя своихъ подданныхъ, Могенъ не колебался показать народу законныхъ его Государей въ особѣ юныхъ своихъ Питомцевъ. Якомиръ вступилъ на дватцать второй годъ; а Принцу Удалерику было только дватцать лѣтъ; но изящныя качества, коими они были одарены, острота ихъ разума, а особливо полученное ими воспитанiе, служили имъ вмѣсто искувсства чрезъ многiе годы прiобрѣтеннаго. Принцъ Якомиръ коронованъ былъ Герцогомъ Богемскимъ по общему согласiю. Нравъ его былъ тихъ, чистосердеченъ, откровененъ, и болѣе склоненъ къ

гра-

гражданскимъ разсужденiямъ, нежели къ трудамъ военнымъ. Удалерикъ, братъ ево, былъ наипрекраснѣйшiй и дороднѣйшiй мущина своего времени, проворенъ во всѣхъ тѣлесныхъ упражненiяхъ, храбръ, горячь, предпрiимчивъ, любящъ оружiе, жаденъ къ славѣ, и гораздо честолюбивѣе Якомира; онъ былъ менѣе откровененъ, и слѣдовалъ гнѣву и худымъ совѣтамъ; погрѣшности, кои едва не лишили его въ одинъ мигъ всей любви, прiобрѣтенной имъ прикрывающими оныя добродѣтельми.

Могенъ воспиталъ ихъ въ совершенномъ согласiи, и казалось, что дружество, кое всегда другъ другу оказывали, не уменшилось при вступленiи на престолъ Якомира. Сей новый герцогъ предводительствуемый движенiями своего сердца, вмѣнялъ себѣ за прiятной законъ, чтобъ дѣлить величество съ своимъ братомъ, а молодой Принцъ безъ труда наложилъ на себя, чтобъ подавать собой народу примѣръ высокопочитанiя и покорности, коими подданные долженствуютъ своему государю; и оба послѣдуя своимъ нравамъ,

нравамъ, Якомиръ дѣлалъ разумныя узаконенiи въ государствѣ; и между тѣмъ, какъ онъ помышлялъ или намѣревался въ совѣтѣ къ войнѣ или миру, нужному къ спокойствiю своего народа, или къ своей славѣ, Удалерикъ исполнялъ ево проекты или намѣренiи храбростiю своею или благоразумiемъ.

Оттонъ, первый по имени, прозванный великимъ, испыталъ того дѣйствiи, когда желая воспользоваться побѣгомъ Болеславовымъ, вознамѣрился овладѣть Богемiею, и покорить оную своей имперiи. Но Принцъ Могенъ, непокидавшiй никогда Герцога, подалъ ему толь изрядно чувствовать то, сколь важно соблюсти сiю область въ прежней ея вольности, что онъ не колебался противоборствовать намѣренiямъ сего Iмператора, и собравши армiю удобную къ сопротивленiю, поручилъ надъ оною команду Принцу Удалерику, которой показалъ при семъ случаѣ, что смѣльство и храбрость провождаемыя благоразумiемъ, часто предъ количествомъ преимуществуютъ.

Хотя Армія Принцева была гораздо не столь знатна, какъ Імператорская; однако онъ возбуждая ее своимъ примѣромъ, произвелъ то, что отбила она Цесарцевъ; и хотя Імператоръ Оттонъ былъ одинъ изъ храбрѣйшихъ государей своего времени, однако Удалерикъ до того довелъ его имѣвъ съ нимъ двѣ битвы, что принудилъ ево быть другомъ, подпорою и союзникомъ Герцога богемскаго. Сей миръ послѣдовавшій съ равнымъ съ обѣихъ сторонъ удовольствіемъ, и одобренный посредствомъ частыхъ свиданій Оттона и Удалерика, внушилъ въ нихъ другъ ко другу особливое почтеніе. Принцъ богемскій пріобрѣлъ уже оное отъ Императора во время битвъ, а договариваясь о мирѣ оное еще болѣе усилилось; и молодой Удалерикъ наполненный удивленіемъ къ знаменитымъ добродѣтелямъ Оттоновымъ, не менѣе видѣлъ онаго и отъ него къ себѣ. Легко разсудить можно, что съ таковыми чувствами скоро они прекратили свои ссоры. Миръ былъ заключенъ и подписанъ между обѣими станами, и храбрый Удалерикъ возвратился

ся вЪ Прагу, столицу богемскую, какЪ побѣдитель покрытый лаврами. ГерцогЪ принялЪ его сЪ несказанною честїю. ПринцЪ МогенЪ изЪявилЪ ему любовь родительскую, а народЪ осыпалЪ его поздравленїями, кои онЪ казался тѣмЪ болѣе заслуживать, что все сїянїе ево славы не здѣлало ево ни гордѣе ни менѣе повинующагося власти своего брата. благоразумїе и любомудрїе его такЪ утвердили любовь, которую богемцы кЪ нему имѣли, что ЯкомирЪ вознамѣрился здѣлать его сообщникомЪ правленїя. радость, которую вельможи и народЪ при семЪ случаѣ оказывали, была Герцогу явнымЪ опытомЪ удовольствїя, которое сердца напередЪ чувствовали, надѣясь имѣть когда нибудь Удалерика своимЪ государемЪ: однакожЪ онЪ нимало тому не завидовалЪ, и никогда дружба ихЪ не казалась быть толь нѣжною и толь основательною

ТаковЪ былЪ дворЪ богемскїй, когда особенныя вражды нарушили онаго тишину, и здѣлали его вторично ѳеатромЪ неправосудїя и жестокостей. КакЪ ПринцЪ МогенЪ

 имѣлЪ

имѣлъ потаенныя намѣренїи, и для удачи оныхъ надлежало ему дѣла привести въ такое состоянїе, чтобъ никто не могъ тому воспротивиться, то снискалъ онъ такую власть надъ Герцогомъ, что не дѣлалъ оной ничего безъ его совѣту; но какъ благоразумїе и кротость ево правленїя, не подавали никакой причины къ жалобамъ, то завистники его власти не смѣли противъ тово роптать. Однакожъ многїе были такїе, коихъ Могенъ самъ признавалъ за своихъ непрїятелей, и вмѣщалъ въ число тѣхъ, кои по большой части возбуждали Болеслава къ погубленїю фамилїи Вершовичей. Все его старанїе ограничивалось тѣмъ, чтобъ унижать ихъ до того, дабы не могли они ему вредить; и хотя поступалъ онъ въ томъ, не подавая имъ нималаго подозрѣнїя, однако они не преминули удостовѣриться, что онъ былъ одинъ виною немилости, кою терпѣли они отъ Герцога, изключившаго ихъ изъ совѣта, и изъ важнѣйшихъ дѣлъ государственныхъ. Между сносившими съ меньшею терпѣливостїю власть, которую Могенъ имѣлъ надъ Герцогомъ, былъ одинъ молодой

молодой вельможа, именемъ Гирфельдъ, любимецъ Принца Удалерика, которой скрывалъ подъ видомъ множества изящныхъ качествъ, самые зловредные человѣку такого достоинства пороки.

Завидуя величеству Могенсову, и будучи жестоко тронутъ тѣмъ, что Герцогъ не изливалъ никакихъ на него милостей, заключалъ во внутренности души своей усердное желанiе, погубить одного и отмстить другому. будучи честолюбивъ, обманчивъ и мстителенъ помышлялъ денно и нощно только о способахъ, вознестись, во что бы то ему ни стало; но какъ не властенъ былъ поступать самъ собою, и надобенъ былъ ему человѣкъ удобной, служить орудiемъ въ его намѣренiяхъ, то не нашелъ онъ къ тому достойнѣе Принца Удалерика, коего жаръ, разумъ и смѣльство казались дѣлать его удобнымъ ко всѣмъ знатнымъ замысламъ, внушаемымъ обыкновенно честолюбiемъ въ тѣхъ, кои ищутъ великаго титула Героевъ. Гирфельдъ былъ миловиденъ, прiятнаго нрава и разума угождать умѣющаго. Удалерикъ былъ имъ

 плѣненъ,

плѣненъ, и здѣлалъ его скоро наперстникомъ всѣхъ своихъ наисокровеннѣйшихъ мыслей. Однако не имѣя такихъ, кои бы были противны его должности, и какъ предразсужденiи воспитанiя обуздывали еще движенiи могущiя взволноваться въ сердцѣ его, противъ неограниченной власти Принца могена; то Гирфельдъ тщетно усиливался ему изъявлять, что сей фаворитъ преимуществуетъ предъ нимъ милостiю Герцога; что надобно ему недовѣряться во власти, кою имѣетъ онъ надъ государствомъ; что невозможно тому статься, чтобъ онъ позабылъ, что Якомиръ и онъ должествуютъ жизнiю лишившему его зятя и племянниковъ, и что не должно сомнѣваться, что онъ дѣлается толь сильнымъ, дабы лутче произвесть въ дѣйство свое мщенiе

Удалерикъ слушалъ сiи слова безъ огорченiя, но опорочивалъ ихъ сильно. Любезный мой Гирфельдъ, говорилъ ему, есть ли бы могенъ имѣлъ намѣренiе мстить за Вершовичей, то бы не возвелъ онъ никогда на престолъ сына Болеславова, онъ бы учинилъ насъ, брата моего и меня, жертвами своего гнѣва, и не воспи-

воспиталъ бы насъ съ толь великимъ попеченiемъ: отдавай больше справедливости его добродѣтели; она совершенна; правда, что присвояетъ онъ себѣ всю власть; однако не для чего другаго, какъ для поспѣшествованiя благоденствiю народа. Якомиръ слабъ, ево могутъ легко обмануть, Могенъ ево просвѣщаетъ, и разумъ его одинъ ево подкрѣпляетъ. То то самое, Государь, отвѣчалъ вѣроломный Тирфэльдъ, должно тебѣ доказывать бѣдственныя намѣренiи сего любимца. Для чего не возложилъ онъ лутче короны на главу храбраго Удалерика, нежели на Якомира? Онъ зналъ крайнее различiе, кое натура между обѣими вами положила, онъ не могъ сомнѣваться, чтобъ не здѣлался ты любимымъ своими подданными, и чтобъ рѣдкiя добродѣтели въ тебѣ сiяющiя не заставили тебя владѣть со славою безъ его помощи; онъ могъ оставить выборъ народу; оной бы былъ въ пользу тебѣ, потому что сiя корона, хотя и наслѣдная, отдается однакожъ по большинству голосовъ тому, коего за достойнѣйшаго почитаютъ; но какъ честолю-

бивый Могенъ безъ труда предвидѣлъ, чтобы замыслы ево были не удачны при владѣнїи такого Государя, коего бы разумъ и просвѣщенїе оные проникли, то предпочелъ онъ тебѣ Якомира, единственно для того, чтобъ обладать ево и твоею судбиною.

Такимъ образомъ лукавый Гирфельдъ вкоренялъ въ сердце Принцево тотъ ядъ, коимъ ево внутренность была преисполнена; и хотя Удалерикъ не со всѣмъ поглощалъ оной, и добродѣтель ево препятствовала еще отдаваться въ обманъ довѣренностїю, кою имѣлъ къ своему любимцу, не дозволяя ему сомнѣваться о его усердїи, однако вознамѣрился онъ изслѣдовать поступку Могенову, и располагать по своимъ наблюденїямъ разсужденїи, кои ему о томъ дѣлать надлежало. И желая испытать, простирается ли власть его надъ Герцогомъ до ево самово, пошелъ къ сему Государю, и просилъ ево дать Гирфельду важное мѣсто, которое было тогда порожно. Якомиръ будучи легковѣренъ, добродушенъ, и ища только случаевъ изъявить ему

ему свою горячность, обнявъ его, сказалъ ему, что онъ властенъ поступить въ томъ по своей волѣ, и обѣщалъ ему оное. Удалерикъ будучи доволенъ, и ласкаясь, что послѣ таковаго обѣщанія, не будетъ никто довольно дерзокъ, чтобъ опровергать оное, объявилъ своему любимцу то, что для него исходатайствовалъ. Гирфельдъ изъявилъ за то усердную благодарность; но показалъ ему въ тожъ время нѣкоторой родъ сомнѣнія, которое его огорчило. Вить не Могену, Государь, сказалъ ему, ты говорилъ, но самому Герцогу; и такъ боюсь я, чтобъ упованіе твое тебя не обмануло. Гирфельдъ, отвѣчалъ ему Принцъ съ горделивостію, Могенъ можетъ безъ преступленія противиться требованіямъ постороннихъ, когда считаетъ ихъ неправыми, а моей власти не дерзнетъ онъ поколебать своею.

Гирфельдъ будучи доволенъ тѣмъ, что спустилъ свою стрѣлу, и привелъ Принца въ состояніе взволноваться противу власти Могеновой, въ такомъ случаѣ, есть ли будетъ онъ ему противиться,

не отвѣчалъ ничего, и притворился, будто почтительнымъ безмолвіемъ согласуется съ его мнѣніемъ. Лишь только Удалерикъ вышелъ изъ чертоговъ Герцога, какъ Могенъ туда вошелъ; и когда Якомиръ извѣстилъ его о томъ, что здѣлалъ для Принца, тогда сей разумный вельможа представлялъ ему съ толикимъ усиліемъ опасность, коей онъ подвергается, поручивъ толь важное мѣсто человѣку такого свойства, каковъ Гирфельдъ, что онъ паки раскаялся, давъ свое слово. Могенъ воображая себѣ, что Удалерикъ безъ труда согласенъ будетъ съ соизволеніемъ Герцога своего брата, сказалъ ему, чтобъ онъ несомнѣнно оное нарушилъ; и зная всѣ пороки любимца сего Принца, изобразилъ оные Якомиру толь живыми красками, прибавя, что одно почтеніе къ Удалерику препятствовало ему удалить его отъ двора, разсудя, что весьма не важно оставить его при немъ, потому только что онъ ему угоденъ, естьли не будетъ ни вочто вмѣшиваться, и не получитъ никакой титлы въ государствѣ; то онъ его терпѣлъ,

терпѣлъ, и не совѣтуетъ ему, онаго отъ него отлучать; но что непремѣнно надобно открыть Принцу ево свойство, дабы онъ ему недовѣрялся; что онъ не сомнѣвается, сіе познаніе отвратить ево отъ него безъ большаго труда; и что онъ беретъ на себя открыть ему толь нужную общей ихъ пользѣ истинну.

Въ самомъ дѣлѣ будучи увѣренъ, что Принцъ будетъ его слушать съ таковымъ же почитаніемъ, какое оказывалъ ему будучи подъ его смотрѣніемъ, пошелъ къ нему; и не думая, чтобъ могъ лутче оправдать перемѣну Герцогову, и сопротивленіе, кое хотѣлъ положить его желаніямъ; какъ изъяснясь съ нимъ о Гирфельдѣ, не щадилъ онъ его, и увѣдомилъ, что вмѣсто ожидаемаго имъ мѣста, долженствуетъ онъ пребываніемъ при дворѣ единственно тому благоволенію, коимъ онъ его почтилъ. Удалерикъ имѣлъ при семъ случаѣ нужду во всемъ своемъ притворствѣ, кое ему было сродно, дабы не изъявить жестокаго гнѣва, коимъ былъ обладаемъ. Однако принудилъ себя, и посмотрѣвъ на него съ хо-

 лодностію.

лодностію: я бы никогда не думалъ, сказалъ ему, найти тебя противящагося моему соизволенію, и чтобъ зділали меня сообщникомъ правленія, дабы тебѣ повиноваться.

Милостивый государь, отвѣчалъ ему Могенъ не удивляясь, Уалерикъ на то рожденъ, чтобъ мною повелѣвать, но онъ недолженъ желать ничего неправеднаго. При сихъ словахъ Принцъ боясь, чтобъ не изъявить излишняго негодованія, оставилъ его безъ отвѣта, и пошелъ къ Герцогу, гдѣ давъ свободное теченіе своему гнѣву, жаловался съ крайнимъ жаромъ на малое почтеніе, которое къ нему имѣютъ. Якомиръ принявъ на себя видъ смиренія, употреблялъ все, дабы его успокоить и оправдать Могена; но не могъ въ томъ преуспѣть; и съ сего дня сопрягавшее ихъ нѣжное дружество такъ умалилось, что больше бы надлежало ихъ почесть за сотребователей короны, нежели за двухъ братовъ.

Ядовитыя стрѣли Гирфельдовы пришли тогда паки на память Принцу: и нашедъ духъ свой въ готов-

готовности къ воспріятію оныхъ, добродѣтель его начала колебаться: досада возбуждала такъ его честолюбіе, что онъ въ первой разъ почувствовалъ желаніе владычествовать. Какъ то былъ одинъ способъ отмстить тѣмъ, коими думалъ быть презрѣнъ, то и остановился притомъ. Любимецъ ево не предусматривающій ни въ чемъ благопріятнаго для своего счастія, кромѣ возмущенія государственнаго, не щадилъ ни трудовъ ни стараній, дабы утверждать его въ семъ намѣреніи, и показалъ ему толико удобства къ произведенію въ дѣйство сего вымысла, что со всѣмъ ево склонилъ ко оному. Однако не хотя покуситься на то безплодно, и здѣлаться жертвою тѣхъ, коихъ искалъ погубить; вознамѣрился не предпринимать ничего и притворствовать до тѣхъ поръ, пока не сооружитъ себѣ партіи довольно знатной, дабы отважиться на все безъ страху. Любимецъ похвалилъ его благоразуміе, и оба будучи возбуждены ненавистію, честолюбіемъ и местію, помышляли только о способахъ, оныя удовольствовать. Но

хотя

хотя сiи страсти были достаточны ко ослѣпленiю Удалерика, однако можетъ быть добродѣтель его и ещебы надъ оными восторжествовала, естьли бы любовь и ревнивость во оныя не вмѣшалися. Между тѣмъ, какъ сей Принцъ и ево наперстникъ трудилися ревностно надъ погибелiю Могена; сей премудрый Принцъ, искавшiй здѣлаться самовластнымъ надъ разумомъ Герцогскимъ, единственно для благоденствiя государства, и для выведенiя въ тожъ время изъ мрака нещастныхъ остатковъ знаменитыя крови Вершовичей, думая себя быть доведенна у Якомира до такой степени довѣренности, которая не дозволяла ни малѣйшiя умѣренности между государемъ и вѣрнымъ подданнымъ; открылъ ему, что онъ спаслъ отъ гибели единаго отросля сего дому; что то была Принцесса достойная счастливѣйшаго жребiя; и не скрылъ отъ него, что естьли желаетъ онъ удостовѣрится на всегда въ сердцахъ своихъ подданныхъ, то не можетъ лутче до того достигнуть, какъ объявивъ имъ

сiю

сїю тайну, и раздѣливъ свою корону съ сею младою Принцессою.

Якомиръ, коего душа съ природы была благодѣтельствующа, услышалъ сїю вѣсть съ радостїю и удивленїемъ; и будучи искренно склоненъ исправить жестокости Болеслава своего родителя, навѣдался точно о всѣхъ особливостяхъ сего важнаго таинства. Могенъ удовольствовалъ его любопытство, и здѣлалъ ему толь прелестное изображенїе о Беатриксѣ [имя сея Принцессы], что Герцогъ мало чувствуемый любовь, и слушавшїй единственно дружества къ своему брату, обнялъ своего министра, и посмотрѣвъ на него съ ласкою: дражайшїй Могенъ, сказалъ ему, равнодушный Якомиръ не заслуживаетъ толь совершенныя особы, она бы имѣла причину жаловаться на такой выборъ; дадимъ ей носить узы не столь тяжелыя: Удалерикъ одинъ достоинъ быть ея супругомъ, это другой я, и сей бракъ не менѣе будетъ прїятенъ Богемцамъ, какъ и мой. Они обожаютъ сего Принца, и какъ кровь Вершовичей имъ всегда драгоцѣнна, то будутъ они тѣмъ плѣненны;

плѣненны, когда соединятъ на всегда то, чего имъ нѣтъ миляе.

Какъ не честолюбіе побуждало дѣйствовать Могена, и онъ не имѣлъ другаго помышленія въ семъ намѣреніи, какъ возстановить славу такого дому, коему онъ былъ въ свойствѣ; сверьхъ того менѣе помышляя о чести короновать свою племянницу, нежели о удовольствіи, здѣлать ее счастливою; при томъ же какъ предложилъ онъ то Якомиру единственно опасаясь, чтобъ не почелъ онъ себя обиженнымъ, естьлибъ наименовалъ онъ къ тому его брата; то не досадовалъ онъ видя его въ сихъ мысляхъ, не сомнѣваясь, чтобъ беатрикса не предпочла Удалерика Герцогу. Между тѣмъ не подалъ ему о томъ ничего знать; и будучи прямо тронутъ щедротою сего государя, отвѣчалъ ему съ покорностію, что какимъ бы образомъ ни рѣшилъ онъ судьбою его племянницы, оное не инако какъ для него славно быть должно, потому, что онъ въ то соизволяетъ вступаться и выбирать для ней супруга.

Якомиръ обнадежилъ его, что Удалерикъ не будетъ имѣть другой супруги,

супруги, и что онъ чувствовалъ совершенную радость, что можетъ здѣлать сїе удовольствїе памяти Принца Вершовича. Сей разговоръ наполненный съ обѣихъ сторонъ довѣренностїю, побудилъ ихъ не скрывать ничего другъ отъ друга. Герцогъ изъявилъ Могену прискорбїе причиняемое ему безмѣрнымъ согласїемъ господствующимъ между Гирфельдомъ и Принцемъ, и надежду водворяющуюся въ его душѣ здѣлать его не столь прилѣпляющимся къ своимъ придворнымъ, занявъ сердцѣ его прелестьми такой Принцессы, которая удобна здѣлаться самовластною надъ онымъ повелительницею. Могенъ съ своей стороны не опасался довесть его до того, чтобъ удалить Гирфельда отъ двора, боясь, дабы не уговорилъ Удалерика противиться браку его съ Беатриксою, по одной той причинѣ, что была она его племянница, и такой крови, къ которой онъ имѣлъ всегда ненависть. Но какъ надлежало поступать съ благоразумїемъ, дабы не раздражить Принца, то вознамѣрились говорить ему сперва только о желанїи, кое народъ имѣетъ, видѣть у него

супругу

супругу достойную ево, и возбудить его любопытство о беатриксѣ, разсказыванїемъ о ея красотѣ, и дабы побудить его примѣчать ими сказуемое, Герцогъ хотѣлъ убѣдить прозбою Императора Оттона, вступить въ ихъ намѣренїе, и отписать къ Принцу въ пользу сего союза; чтобъ тогда имъ показать ему беатриксу, и чтобъ сїя Принцесса попросила его для перваго опыта его горячности, жертвовать ей тою, которую имѣлъ онъ къ Гирфэльду.

Взявъ сїи мѣры такимъ образомъ, помышляли они только, чтобъ здѣлать ихъ удачными, произведя поспѣшно предпрїятїе свое въ дѣйство съ стороны Императора. Но между тѣмъ какъ Якомиръ и Могенъ ни очемъ иномъ, кромѣ сего брака не помышляли, Удалерикъ думавшїй единственно о мщенїи и славолюбїи, овладѣлъ сердцами своихъ солдатъ, кои гнушаясь праздностью, въ которой въ разсужденїи мира жить принуждены были, желали только смятенїя и раздора, и будучи увѣренъ о любви народной, не находилъ болѣе сопротивленїя своему предпрїятїю, какъ только внутренности своея души. Въ самомъ

дѣлѣ

дѣлѣ первыя правила добродѣтели, съ коими онъ былъ воспитанъ, боролись съ новыми его чувствами съ такою жестокостію, что несмотря на все могущество, которое имѣлъ надъ нимъ Гирфельдъ, и на усильныя прозбы чинимыя ему отъ него всякой день, дабы взойти на престолъ, почувствовалъ такое омерзѣніе къ преступленію предѣловъ должности, что отлагалъ всегда подъ разными видами доходить до сей крайности. Частыя тайныя бесѣды, кои Герцогъ имѣлъ съ Могеномъ, и многіе совѣты происходившіе между ими и нѣкоторыми вельможами Государства, не призывая его, не преминули бы совершенно его раздраживъ побудить къ своему намѣренію; но когда былъ готовъ уступить своему желанію, отмстить и владѣть, тогда одинъ благопріятной взглядъ Якомировъ, одно слово Могеново испровергало всѣ его замыслы. Щедрота одного, благоразуміе и почтенная старость другаго, приводили ему на память нѣжное дружество, которое имѣлъ къ своему брату, и одолженіи, коимъ надлежало прилѣпить его къ Могену вос-

питавшему его съ родительскимъ попеченiемъ; и онъ возставалъ скоро самъ противъ себя, и помышлялъ ужѐ съ гнусностiю о предпрiятомъ намѣренiи, чтобъ отъ нихъ свободиться.

Гирфелдъ имѣлъ столько участiя знать происходящее въ его сердцѣ, что не могъ того не проникнуть; но будучи удаленъ, чтобъ того устрашиться возъимѣлъ только болѣе смѣльства восторжествовать надъ его добродѣтелью. Дабы въ томъ преуспѣть взялъ къ тому такiе окольные пути, что почти невозможно было Удалерику избѣжать оныхъ. Иногда похваляя его раскаянiе, иногда осуждая ево слабость, а всегда притворяясь бояться, чтобъ не было противъ него какого нибудь умысла, и чтобъ не сталъ онъ жертвою тѣхъ, коихъ хотѣлъ щадить, привелъ умъ его въ толь жестокое состоянiе, что не зналъ онъ болѣе, что дѣлать и чего бояться.

Въ одинъ день, когда чувствовалъ онъ себя болѣе обыкновеннаго терзаема сими различными движенiями, мучима необычайною печалiю,

лію, стараясь оную прогнать, сѣлъ онъ на лошадь, и выѣхалъ изъ Праги въ провожаніи только одного конюшаго. Какъ окресности сего города украшенныя лѣсами и пріятными долинами, влекли его насладиться тамъ нѣсколько часовъ пріятностію уединенія, то направилъ онъ коня своего къ той сторонѣ, которая казалась ему менѣе обитаемою, и остановившись въ весьма густомъ лѣсу, но раздѣленномъ на преизрядныя дороги и на многіе ручьи, коихъ пріятное журчаніе составляло весь слышанной тамъ шумъ, сошелъ онъ съ лошади, и поручивъ конюшему своему попеченіе объ оной, вошелъ въ самую средину лѣса. Тамъ предавшись своему глубокомыслію, шелъ онъ долгое время ведомъ будучи незапнымъ случаемъ и безъ всякаго намѣренія; но дошедъ до краю дороги, и думая найти другую, дабы поворотить на оную, увидѣлъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ, что нарочито высокая стѣна заключала лѣсъ съ сей стороны, и полагала предѣлы его прогуливанію.

Долгота сей стѣны побудила его думать, что оная здѣлана около звѣринца или садовъ какого нибудь увеселительнаго дому; и такъ пошелъ онъ въ доль подлѣ оной, дабы искать, въ которомъ мѣстѣ находится входъ во оныя; но лишь только прошелъ шаговъ со сто, какъ увидѣлъ ворота стоящія къ лѣсу. Оныя были нѣсколько отворены; любопытное нѣкое движеніе, коимъ не могъ онъ обладать, принудило его отворить со всѣмъ оныя, и обратить взоръ свой внутрь того, чего прежде за стѣною онъ не могъ видѣть. Сперва представился глазамъ его довольно темной покрытой ходъ; но какъ увидѣлъ предмѣтъ гораздо важнѣйшій того, то устремилъ на оной все свое вниманіе. То были двѣ молодыя крестьянки, изъ коихъ одна сидѣла на дерновой лавкѣ, а другая стояла предъ нею на колѣнахъ: какъ деревья, коими ворота были загущены, воспрепятствовали имъ видѣть происходящее, то не примѣтили онѣ Удалерика, а хотя бы и могли его усмотрѣть, однако такъ углубились онѣ въ разговоръ другъ съ другомъ, что не имѣлъ

онъ

онъ причины бояться того, чтобъ его обозрѣли.

Безмѣрная красота той, которая сидѣла, и прелести сіяющія во всей ея особѣ не взирая на простоту ея одѣянія, ввергнули сего Принца въ такое удивленіе, что онъ стоялъ долго не могши увѣриться, чтобъ сей предмѣтъ былъ не мечта; онъ не видалъ ни чего толь совершеннаго, и сердце его въ скорости премѣнило удивленіе въ наистрастнѣйшую любовь. Между тѣмъ хотя сія прекрасная казалась ему такого состоянія, кое не внушало въ него великаго къ ней почтенія, однако нѣчто толь благородное и толь величественное возбуждало наималѣйшія его поступки, что не почиталъ онъ побѣду оную маловажною; и невзирая на природную свою смѣлость, почувствовалъ во внутренности души своей такой страхъ, коего все его смѣльство не могло преодолѣть: но будучи болѣе влюбленъ, нежели чтобъ могъ отъ того удалиться, не стараясь ее узнать, вкрался онъ безъ шуму въ садъ, и сталъ позади деревъ, на кои оперщись си-

дѣла прекрасная крестьянка, и слушая со вниманіемъ все то, что говорила она своей подругѣ, услышалъ, что продолжая она свой разговоръ, говорила ей такимъ образомъ:

Наши склонности нарочито разнствуютъ, дражайшая моя Элиза, говорила ей, сіе уединеніе тебѣ столь противное никогда мнѣ менѣе печальнымъ не казалось, и ты не имѣешь болѣе желанія выти изъ онаго, сколько я имѣю страха ево покинуть. Признаюсь, отвѣчала ей Элиза, что я не понимаю, что бы могло побудить тебя думать такимъ образомъ, особливо съ того времени, какъ сердце твое нашло человѣка достойнаго занимать оное. Ахъ! Элиза, пресѣкла крестьянка, пожалуй, погрузи въ глубокое забвеніе сію бѣдственную тайну: дружба моя къ тебѣ принудила меня тебѣ оную ввѣрить; но не довлѣетъ тебѣ производить изъ того никакого слѣдствія предосудительнаго моей славѣ. Я тебѣ то сказала, и еще оное повторяю. Естьлибъ была я властна соорудить собою предмѣтъ удобной меня плѣнить на остатокъ

тavailable

токъ дней моихъ, то бы не учинила я сего ни надъ кѣмъ инымъ, кромѣ того незнакомца, о которомъ я тебѣ говорила; но сія химерическая мысль не есть опытомъ слабости, коею ты меня подозрѣваешь. Я не такъ дерзновенна, пресѣкла рѣчь ея Элиза, чтобъ обвинять тебя слабостію, и не подумаю, чтобъ была то оная, дабы любить человѣка по словамъ твоимъ толь предъ другими превосходнаго; однакожъ, какъ вмѣняешь ты себѣ въ досаду, чтобъ я тебѣ отомъ напоминала, то буду навсегда хранить о томъ глубокое безмолвіе. Положимъ же, продолжала она смѣючись, что сердце твое свободно; но какую прелесть находишь ты пребывать въ сихъ мѣстахъ; какимъ удовольствіемъ ты здѣсь наслаждаешься, и по что боишься ихъ оставить? развѣ дворъ не представитъ взору твоему предмѣтовъ стократно любви достойнѣйшихъ; будучи увѣрена, что станутъ тебѣ тамъ чудиться, какой не обрящешь ты тамъ пріятности, и какія забавы станутъ стараться тебѣ промышлять? Жизнь темная,

печальная и скушная, которую мы здѣсь препровождаемъ, можетъ ли преимуществовать предъ тою, которую бы ты тамъ препровождала? Ахъ! естьли ты толь прекрасна въ семъ грубомъ одѣянїи, то что бы ты была въ томъ, кое бы тамъ носила? Ахъ! сколь недовольна я Принцемъ Могеномъ за толь долговременное невольничество.

Могенъ имѣетъ свои причины, пресѣкла она, а я подвергаясь его волѣ, никогда ему противиться не стану. Онъ меня любитъ, единственное мое старанїе должно быть то, чтобъ ему нравиться, и я дѣлаю изъ того строгой себѣ законъ. Въ прочемъ дворъ, при коемъ пребыванїе почитаешь ты толь прелестнымъ, не будетъ имѣть онаго для меня. Боже великїй! примолвила она вздохнувъ, сколь велико было бы мое мученїе, видѣть непрестанно Якомира, Уалерика, предмѣтовъ проклинаемыхъ въ моемъ сердцѣ, и не видѣть тамъ ни одного достойнаго моихъ взоровъ. Но, перехватила еще Элиза, какую причину имѣешь ты ненавидѣть толь жестоко такихъ Принцевъ,

цевъ, которыхъ ты не знаешь, и коихъ вся Богемія обожаетъ. Сіе празднество, коего нечаянный случай зделалъ тебя свидѣтельницею, и при которомъ Герцогъ показался съ толикимъ великолѣпіемъ, подало ли тебѣ поводъ оное проклинать? Что до Удалерика, какъ ты мнѣ сказала, что ево тамъ нѣтъ, то понимаю я еще менѣе твою къ нему ненависть; ибо ты ево никогда не видала. Кто можетъ оправдать таковыя чувства?

Дражайшая Элиза, отвѣчала ей прекрасная крестьянка видомъ величественнымъ, довольствуйся таинствами моего сердца, и не стастарайся проникнуть тѣхъ, кои неограниченное повелѣніе запрещаетъ мнѣ тебѣ открывать. При сихъ словахъ сія прекрасная особа вставъ взяла Элизу подъ руку, и обратила стопы свои къ сторонѣ ведущей къ дому, и со всѣмъ противной тому мѣсту, гдѣ находился Удалерикъ, оставя его въ неописанномъ удивленіи.

Между тѣмъ вышелъ онъ изъ своего мѣста, и пошелъ къ лѣсу имѣя сердце наполненное любовію,

печалїю и ревнивостїю. Почтенїе, съ коимъ Элиза говорила сей молодой незнакомицѣ, красота слога въ рѣчахъ сей юной особы, а наипаче видъ величества, являющейся въ ней, несмотря на деревенское ея одѣянїе, безъ труда вразумили его, что то было конечно переодѣянїе скрывающее безъ сомнѣнїя какую нибудь знатную породу, но увѣдомляющее его въ тожъ самое время, что Могенъ обладатель сего рѣдкаго сокровища, и ревнитель ея счастїя содержалъ ее какъ плѣнницу въ семъ уединенїи, дабы лишить ее взору всего свѣта. Онъ испыталъ весьма силу прелестей сея удивительныя дѣвицы, и не вѣрилъ, чтобъ старость удержала Могена отъ стрѣлъ любовныхъ; и будучи увѣренъ, что ненависть оказываемая ею къ Якомиру и къ нему, происходила только отъ склонностей, кои сей Принцъ въ нее внушилъ. вся его добродѣтель его оставила, и не видя больше въ немъ какъ гнуснаго солюбовника, и тѣмъ опаснѣйшаго непрїятеля, что прикрывалъ онъ тайныя свои намѣренїя подъ видомъ благоразумїя; не колебался болѣе отъ него

него свободиться. Но какъ ревнивость его имѣла еще другой предмѣтъ, и слова незнакомицы увѣдомили его, что не Могенъ трогалъ наибольше ея сердце, и что она видѣла кого нибудь могшаго положить препону желанію, которое онъ имѣлъ ей понравиться, то вознамѣрился войти въ сей домъ подъ подложнымъ именемъ; не жалѣть ничего, чтобъ привесть себя въ любовь къ прекрасной крестьянкѣ, и похитить ея отъ своихъ солюбовниковъ, во что бы то ему ни стало. Въ сихъ мысляхъ будучи дошелъ онъ до своего конюшаго, и возвратился въ городъ. Какъ новая страсть ево не дозволяла ему умолчать о своемъ произшествіи, то не успѣлъ онъ возвратиться во дворецъ, какъ велѣлъ позвать къ себѣ Гирфелда, и увѣдомивъ его о произшедшемъ, просилъ его толь усильно вспомоществовать ему къ открытію того, кто такова сія молодая красавица, которую Могенъ скрывалъ съ толикимъ тщаніемъ; что сей любимецъ не могъ сомнѣваться о жестокости ево любви, и предусмотря въ тужъ минуту, что сіе пламя благопріятно

тно будетъ его мщенію, будучи удаленъ отъ того, чтобъ оное опорочивать, не щадилъ ничего, чтобъ воспалить оное, и обѣщалъ проникнуть тайну толь необходимую ихъ намѣренію въ самомъ дѣлѣ будучи увѣдомленъ отъ Удалерика о положеніи сего дома, пошелъ туда на другой же день, какъ охотникъ заблудившійся и отставшій отъ охоты, и которой не зная дорогъ въ лѣсу находящихся старался о томъ навѣдаться въ первомъ жилищѣ, которое ему попадется. Незапной случай благопріятствуя его хитрости привелъ его прямо къ хозяину сего дома, которой сидя спокойно у своихъ воротъ смотрѣлъ на пляску молодыхъ крестьянъ своихъ сосѣдей. Это былъ старикъ довольно хорошаго вида; но поступкою своею и одѣяніемъ крестьянскимъ побуждалъ думать Гирфелда, что онъ не лучшаго былъ состоянія какъ и тѣ, кои предъ нимъ плясали. Онъ подошелъ къ нему, и поклонясь, отецъ мой, сказалъ ему, не могу ли найти здѣсь посредствомъ тебя ково нибудь, ктобъ вывелъ меня на дорогу ведущую къ городу; будучи

возбуж-

возбуждаемъ гоненіемъ оленя, заблудился я въ лѣсу, и незная болѣе, въ которую сторону поворотить, пошолъ я подлѣ стѣны сего дома въ той надеждѣ, что дадутъ мнѣ здѣсь проводника.

Развѣ ты не изъ сей земли, спросилъ унего старикъ? Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, я Полякъ служащій одному молодому Принцу изъ сей націи странствующему изъ любопытства, и остановившемуся на нѣсколько дней въ Прагѣ. Я радуюсь, отвѣчалъ старикъ, что могу тебѣ быть полезенъ; я родился въ Польшѣ, и любовь хранимая мною къ отечеству побуждаетъ меня любить всѣхъ тѣхъ, кои оттуда пріѣзжаютъ; но продолжалъ онъ, надобно думать, что потребно тебѣ нѣсколько отдохнуть, и что не менѣе то нужно и для твоего коня; и такъ здѣлай мнѣ милость, отдохни здѣсь нѣсколько, а потомъ одинъ изъ моихъ сыновей проводитъ тебя до Праги.

Гирфелдъ только того и желавшій, не допустилъ себя просить долго; и дабы лучше сыграть свой роль, оказывалъ притворно безмѣрную радость увидя своего единоземца,

земца, обнялЪ его, и называлЪ своимЪ другомЪ, товарищемЪ и землякомЪ; и какЪ говорилЪ онЪ совершенно по польски равно какЪ и УдалерикЪ, которой разумѢлЪ почти всѢ языки сѢверные, то обманулЪ онЪ толь изрядно простодушнаго крестьянина, что оной не могЪ довольно выдумать словЪ, дабы изЪявить ему удовольствіе почувствованное имЪ отЪ таковой встрѢчи. ОнЪ просилЪ ево сойти сЪ лошади, и между тѢмЪ, какЪ сыновья ево старались накормить ево лошадь, ввелЪ онЪ ево вЪ низкую залу, гдѢ столЪ былЪ поставленЪ вЪ мигЪ, и покрытЪ разныхЪ родовЪ фруктами и фляшками преизряднаго вина. ГирфелдЪ принимался за все сЪ искренностію плѢнившею старика: и обое начавЪ пить, любимецЪ ПринцевЪ привелЪ ево скоро вЪ состояніе сказать о томЪ болѢе, нежели онЪ надѢялся, и обративЪ разговорЪ на Польшу и богемію, спросилЪ онЪ ево, какимЪ случаемЪ оставилЪ онЪ свою отчизну, и поселился вЪ сихЪ мѢстахЪ.

Простодушный старикЪ отвѢчалЪ ему необинуясь, что онЪ вышелЪ изЪ Польши будучи крайне молодЪ

лодъ по нѣкоторому своевольству; потомъ пошелъ въ нѣмецкую землю: тамъ долго служилъ въ Цесарской арміи, и въ войнѣ у нѣмцовъ съ богемцами будучи взятъ въ полонъ однимъ офицеромъ Герцога болеслава, прилѣпился къ нему; оной былъ до него весьма добръ, и привелъ его въ состояніе оставить службу, и купить сію мызу, которую онъ удобрилъ своими руками; тамъ онъ женился, и лишился своей жены, отъ которой имѣлъ двухъ сыновъ, кои составляютъ всю ево фамилію, и онъ живетъ въ такомъ довольствѣ, что ничего болѣе не желаетъ; притомъ же, продолжалъ онъ по тихонку съ потаеннымъ видомъ, я оказываю здѣсь важную услугу одному Принцу, которой все можетъ въ богеміи, и здѣлаетъ щастливыми моихъ сыновей: какъ ты иностранецъ, и сія тайна нимало неважна для насъ Поляковъ, то не скрою отъ тебя, что Принцъ Могенъ поручилъ мнѣ стражу надъ двумя молодыми особами, въ коихъ пріемлетъ онъ великое участіе. Онѣ почитаются здѣсь за крестьянокъ, сродственницъ покойныя моея жены:

ны; онѣ носятъ ея и платье, и я не знаю, кто онѣ таковы; ибо имѣю ихъ у себя только около полугода. Прилѣжное смотрѣнїе, которое имѣетъ онъ за младшею, которая, какъ сказываютъ, высокой породы, не дозволяетъ мнѣ сомнѣваться, чтобъ не былъ онъ въ нее сильно влюбленъ, тѣмъ наипаче что всегда наиточнѣйше возбранялъ, дабы не допускать ее говорить ни съ кѣмъ, кто бы таковъ ни былъ.

Но какъ, спросилъ Гирфелдъ, избралъ онъ тебя къ сему дѣлу? развѣ онъ тебя зналъ? Нѣтъ, отвѣчалъ ему старикъ, но офицеръ, мой благодѣтель непокидавшїй меня съ того времени, какъ я въ сей землѣ, къ коему имѣлъ онъ довѣренность, доставилъ мнѣ сей прибытокъ; зная, что старался онъ скрыть сихъ незнакомицъ въ какомъ нибудь незнатномъ домѣ, по близости отъ него, д бы могъ онъ уѣзжая отъ двора ихъ навѣщать, такъ чтобъ непримѣтны были частыя его отлучки; мой домъ совершенно удобенъ къ сей тайнѣ; онъ ни такъ хорошъ, ни такъ великъ, чтобъ возбудить любопытство; одинъ весма

ма темной покрытой ходъ составляетъ все гульбище, изъ коего выходъ въ самую средину густаго лѣса; и по оному то Могенъ приходитъ къ Эрмиліи, такъ называется сія молодая красавица.

Ты ужасно возбуждаешь мое любопытство, отвѣчалъ ему Гирфелдъ усмѣхнувшись; я никогда, можетъ быть, не поѣду болѣе въ богемію: любезный мой соотчичь, не откажи мнѣ посмотрѣть хотя минуту на сію особу, которая должна быть чрезвычайно прекрасна, потому что столь сильно оковала она Принца толь пожилаго, каковъ Могенъ. Старикъ казался при сихъ словахъ нѣсколько изумленнымъ, и стоялъ долго задумавшись; но Гирфелдъ сильно ево принуждалъ къ тому, и какъ безпрестанно оба подпивали, то на конецъ онъ согласился ево удовольствовать.

Но хотя вино имѣло столькоже участія въ его угожденіи, сколько природная ево нескромность, однако былъ еще столько разуменъ, что просилъ ево отложить сіе свиданіе до другаго дня, боясь чтобъ Могенъ въ тотъ день не пріѣхалъ: онъ велѣлъ ему по утру пойти къ воро-

 тамъ

тамъ стоящимъ къ лѣсу, гдѣ покажетъ ему Эрмилїю, которая обыкновенно въ сїе время тамъ прогуливается. Гирфельдъ будучи доволенъ тѣмъ, до чего довелъ дѣло въ сей разъ, и не хотя встрѣтиться съ Могеномъ, поблагодарилъ ево, пожавъ ему руку, и принудилъ ево клясться, что содержитъ свое слово; послѣ чего простясь съ нимъ, сѣлъ паки на лошадь, и въ провожанїи одного изъ сыновей сего старика, хотя и не имѣлъ въ немъ нужды, оставилъ его, плѣненъ будучи его поступками. Молодой крестьянинъ проводилъ ево до самаго выходу изъ лѣсу, гдѣ притворясь, будто обознаəлъ, сунулъ ему въ руку кошелекъ наполненный золотомъ, и отпустилъ ево, разсуждая что сїя щедрость совершитъ толь щастливо имъ начатое; и прїѣхавъ поспѣшно въ городъ и въ чертоги Принцевы, разсказалъ ему подробно о всемъ имъ учиненномъ: но не удовольствуясь тѣмъ, что обьявилъ ему старикъ, прибавилъ еще къ тому, что Могенъ имѣетъ намѣренїе жениться на сей Эрмилїи, и ожидаетъ только дѣйствїя велика-

го

го предпріятія, дабы вывесть ее изъ уединенія, и дать о ней знать, кто она въ самомъ дѣлѣ. Не требовалось болѣе ревнивому Удалерику, дабы побудить его овладѣть Эрмиліею; и уразумѣвая безъ труда, что не удастся ему съ нею соединиться, естьли не приведетъ себя въ состояніе поступать самовластно, и что Якомиръ воспротивится непремѣнно сему браку, принялъ на конецъ намѣреніе, свергнуть его съ престола, владѣть одному, и захватить могена. Гирфелдъ, которой не имѣлъ другаго намѣренія будучи въ милости у Принца, сооружилъ себѣ толь ужасную партію, что не сомнѣвался о удачѣ сего предпріятія, потому что Удалерикъ хотѣлъ быть оныя начальникомъ. Сей Принцъ, на сторонѣ котораго была вся армія, предвѣщалъ себѣ тоже; и съ той минуты пославъ указъ къ войскамъ покорнымъ его волѣ, чтобъ подвинуться къ Прагѣ съ толикою же тайностію, съ коликимъ прилѣжаніемъ, не помышлялъ больше ниочемъ какъ о удовольствіи, увидѣть паки прелестную незнакомицу, надѣясь узнать о томъ еще больше Гирфелда.

да, естьли удастся ему съ нею поговорить. Между тѣмъ радость ево умѣрялась тою ненавистїю, которую изъявила она говоря о немъ, и подлинностїю того, что имѣлъ двухъ совмѣстниковъ равно опасныхъ, одного по ево власти, а другаго по нѣжной склонности, которая ее къ нему влечь казалася. Какъ не понималъ онъ, чтобъ сїя прекрасная могла ево ненавидѣть не знавъ, и не подавъ ей никогда нималѣйшаго къ тому случая, то не сомнѣвался, чтобъ сїя ненависть не происходила отъ ядовитыхъ стрѣлъ, кои Могенъ противъ него употребляетъ, и ласкался уничтожить оныя показавшись глазамъ его таковымъ, каковъ былъ въ самомъ дѣлѣ; но не могъ не бояться, чтобъ другой кто не овладѣлъ ея сердцемъ. Недовольно ему было того, чтобъ прогнать ненависть; но хотѣлъ еще возбудить въ ней и любовь; и въ семъ намѣренїи ползуясь ложью Тирфелдовою, хотѣлъ почтенъ быть за Принца иностраннаго, и стараться притти въ любовь, прежде нежели дастъ ей о себѣ знать.

Сїи различныя мысли упражняли его во весь день, и большую часть ночи; а какъ скоро солнце прогнало темноту, такъ сѣлъ онъ на лошадь. Гирфелдъ будучи также прилѣженъ, какъ и онъ, и оба одѣвшись егерями и безъ всякой свиты, выѣхали изъ Праги, и направили путь свой къ тѣмъ лѣсамъ, коими окружено было убѣжище незнакомицы. Они ѣздили по онымъ все утро, пока насталъ тотъ часъ, въ которой надлежало быть свиданїю Гирфелдову. Проѣзжали многократно мимо воротъ того саду, не видя нималѣйшаго вида, чтобъ помышляли оныя отворить. Удалерикъ, коего любовь и ревнивость равно терзали, будучи въ безпокойствѣ прохаживался то въ ту сторону то въ другую; между тѣмъ какъ Гирфелдъ стоялъ на караулѣ, дабы показаться старику, сколь скоро ихъ отворитъ; тогда Принцъ зашедшїй въ лѣсъ, услышалъ голоса женщинъ, кои казались бѣжать съ воплемъ. Сколько ни былъ онъ занятъ предмѣтомъ своего пламени, однако природное его великодушїе побудило его тотчасъ бѣ-

жать къ тому мѣсту, откуда происходилъ сей шумъ, дабы подать помощь во оной нужду имущимъ. Въ самомъ дѣлѣ лишь только туда прибѣжалъ, какъ увидѣлъ безмѣрной величины волка гнавшагося за двумя женщинами, кои не взирая на свою легкость были бы отъ него настижены и сожраны, естьли бы не остановилъ онъ бѣгу сего страшнаго звѣря выстрѣломъ изъ ружья, которой повергъ ево на землю мертва въ тотъ самой мигъ, какъ готовился онъ овладѣть своею добычею.

Сіи двѣ женщины, кои отъ страху и усталости казались лишенными силъ, лишь только услышали позади себя выстрѣлъ, какъ обратили глаза свои на Удалерика: но какимъ удивленіемъ поражены были обѣ! ибо Принцъ узналъ прекрасную незнакомицу въ той, которой онъ своимъ проворствомъ соблюлъ жизнь, а сія несравненная особа увидя издыхающаго ужаснаго звѣря, и нашедъ въ своемъ избавителѣ того чужестранца, коего содержала она въ твердой памяти. Обладаемая толикимъ же удивленіемъ, колико прежде ужасалась, сѣла она подъ

дерево

дерево немогши вымолвить ни одного слова. Какъ сія поступка дала время Принцу приближиться, то подошелъ онъ къ ней, и поклоняся съ почтеніемъ: сколь я счастливъ, милостивая государыня, сказалъ ей, что сохранилъ такіе дни, за которые бы собственные мои на жертву принесть съ радостію хотѣлъ, и сколь обязанъ я незапнымъ случаемъ, что подалъ онъ мнѣ поводъ, которой бы всею моею кровію искупить не отрекся.

Между тѣмъ, какъ говорилъ онъ такимъ образомъ, Эрмилія и ея подруга взирали на него со вниманіемъ и удивленіемъ. Сія послѣдняя не имѣла труда усмотрѣть изъ глазъ своея госпожи происходящее въ ея сердцѣ, и не сомнѣвалась, чтобъ тотъ, коего она видѣла, не былъ тотъ самой незнакомецъ, о которомъ она непрестанно ей говорила. Что до Эрмиліи, то какъ слова Удалериковы побуждали ее думать, что онъ ее гдѣ нибудь видалъ, то желая проникнуть сію тайну, не выводя на ружу своей, не успѣлъ онъ перестать говорить, какъ посмотрѣвъ на него постоянным видомъ: не знаю,

государь, сказала ему, что могло въ тебя внушить таковыя ко мнѣ склонности; я весьма незнатна въ свѣтѣ, и живу въ великомъ уединенiи, почему и не думаю, чтобы ты зналъ, кому оказалъ наиважнѣйшую въ свѣтѣ услугу; но что бы то ни было, только не должно тебѣ сомнѣваться, чтобъ достойная за то благодарность, не была вѣчно запечатлѣнна въ сердцахъ нашихъ, и чтобъ не чувствовали мы сильнѣйшiя прискорбности, сестра моя и я, сказала она указывая на свою подругу, не могши тебѣ изъявить оной инако какъ слабымъ признанiемъ.

Хотя кажется, отвѣчалъ онъ, что ты болѣе участiя прiемлешь во всемъ мною учиненномъ, однако и то подлинно, что я оказалъ услугу самъ себѣ спасти твой животъ, потому что смерть моя послѣдовала бы за твоею; но естьли думаешь ты быть мнѣ за то одолженною, то легко тебѣ то исполнить, переставъ казаться таковою, какова ты не есть въ самомъ дѣлѣ. Я тебя знаю, обожаемая Эрмилiя, продолжалъ онъ, поставя одно колѣно на землю, и хотя несвѣдомо мнѣ точ-

но,

но, кто ты такова, однако знаю и увѣренъ столько, что сїя участница твоего уединенїя тебѣ не сестра, что она называется Элизою, и что ей ввѣряешь ты свои мученїи и удовольнствїи. Вижу изъ твоихъ взоровъ безпокойство, въ которое ввергаютъ тебя мои слова, и что обвиняешь ты, можетъ быть, ково нибудь нескромностїю; но будь увѣрена, прелестная Эрмилїя, одинъ незапной случай тому виною, чрезъ оной наслаждался уже я счастїемъ, удивляясь въ тебѣ тому, что натура сооружила наисовершеннѣйшаго: чрезъ оной здѣлалась ты обладательницею самовластною такого сердца, которое еще ни о чемъ кромѣ славы не воздыхало, и на конецъ чрезъ оной увѣдомился я, что есть въ свѣтѣ незнакомый смертный . . . .

Постой, пресѣкла Эрмилїя, вставъ съ торопостїю, обязанность, которую я имѣю, не благопоспѣшествуетъ нимало толь дерзновенному признанїю. Какъ извѣстился ты толь изрядно о томъ, что я есмь, то не долженъ не знать и почтенїя мнѣ принадлежащаго. Я

никогда не выду изъ онаго, вскричалъ онъ, удержавъ ее за платье, и ктобъ ты такова ни была, однако видишь предъ ногами твоими Принца, которой во всю жизнь свою за честь себѣ вмѣнять то станетъ, чтобъ быть твоимъ невольникомъ; упусти чрезвычайности моей любви, что сопряжена она съ чрезвычайною ревностію, боюсь сего незнакомца, и даже до Могена . . . Государь, пресѣкла еще сія прекрасная дѣвица покраснѣвши, не умножай болѣе терзаемаго меня смущенія, должное мною тебѣ принуждаетъ меня предъ тобою признаться, что съ удовольствіемъ то слышу, что избавитоль мой такой породы, которая извиняетъ ево смѣлость, и что съ титуломъ Принца не долженъ онъ бояться ни Могена, ни того незнакомца, которой его смущаетъ. При сихъ словахъ вырвавшись изъ рукъ его, кои ее всегда удерживали, и запретивъ ему за собою слѣдовать, взяла она Элизу подъ руку, и удалилась отъ него толь поспѣшно, что невозможно ему было ей отвѣтствовать. Онъ покушался слѣдовать за нею, но

разсудя,

разсудя, что сiя ревность можетъ ее раздражить или ввергнуть въ какую нибудь опасность, естьли кто подосланной отъ Могена узнаетъ про сiе свиданiе; принудилъ любовь уступить благоразумiю, и имѣя сердце наполненное радостiю и надеждою, ожидалъ Гирфелда въ томъ мѣстѣ, гдѣ оставили они своихъ лошадей, не сомнѣваясь чтобъ онъ туда не пошелъ, когда не найдетъ его подъ стѣнами сада Эрмилiина. Между тѣмъ, какъ восхищался онъ слышаннымъ, сiя прекрасная особа и ея подруга дошли до воротъ стоявшихъ къ лѣсу, и въ самую ту минуту, какъ Лузинскiй (прозванiе хозяина того дому) пришелъ ко онымъ, дабы впустить туда Гирфелда. Старикъ и онъ довольно изумились, находясь отъ нихъ толь близко, Эрмилiя не менѣе удивилась увидя съ Лузинскимъ человѣка носящаго платье одинакое съ тѣмъ, котораго она оставила. Однако почтенный старикъ довольно поспѣшно опомнился, и хотя благоугодить мнимому своему соотчичу; дочь моя, сказалъ ей, ты вышла довольно рано, я думалъ, что

что ты еще спишь. Прилѣжность наша, отвѣчала ему Элиза, чуть было не стоила намъ драгой жизни, и безъ неожидаемой помощи одного егеря, подобнаго сему, коего мы здѣсь видимъ, были бы мы добычею хищнаго и страшнѣйшаго во всѣхъ округахъ нашихъ волка.

О Небо! вскричалъ Гирфелдъ поблѣдневъ, это мой Принцъ! успокойся, сказала тогда Эрмилія; естьли ты принадлежишь спасшему нашу жизнь, то можешь быть увѣренъ, что не угрожаемъ онъ никакою опасностїю, и естьли хочешь слѣдовать за нимъ по сей дорогѣ, то найдешь того звѣря, отъ котораго онъ насъ свободилъ, и отъ коего не можетъ онъ быть еще весьма далеко. Лишь только окончала она сїи слова, какъ Гирфелдъ и Лузинскїй побѣжали на то мѣсто, которое онѣ имъ указали. Они увидѣли тамъ убитаго волка; но не нашедъ Принца, Гирфелдъ просилъ старика проводить ево до того въ лѣсу мѣста, гдѣ ожидали ихъ лошади. Онъ на то согласился, будучи самъ весьма любопытенъ увидѣть того, которой убилъ сего лютаго звѣря. Удалерикъ нахо-

находился тамъ въ самомъ дѣлѣ, и шелъ на встрѣчу своему любимцу съ видомъ изъявляющимъ потаенное удовольствїе его сердца; но боясь чтобъ не открылся онъ прежде крестьянину: государь, сказалъ представивъ ему онаго, вотъ отецъ тоя прекрасныя особы, которой соблюлъ ты жизнь; онъ пришелъ изъявить тебѣ за то свою благодарность. Полякъ будучи увѣренъ, что видитъ Принца своей нацїи, распространялся въ великихъ учтивостяхъ: но Удалерикъ пресѣкъ теченїе оныхъ, и поздравлялъ его съ тѣмъ, что имѣлъ толь прекрасную дочь, увѣряя его, что нѣтъ услуги, которой бы онъ ему не оказалъ, естьли онъ дозволитъ ему иногда ее видѣть. Нѣтъ ничего такого, государь, отвѣчалъ онъ ему, чегобъ я не хотѣлъ для тебя здѣлать, дабы сказать тебѣ мое усердїе: но вотъ мой землякъ, сказалъ онъ, указавъ на Гирфелда, которой скажетъ тебѣ про невозвожность, въ которой нахожуся тебѣ повиноваться. Эрмилїя мнѣ не дочь, я только ея стражъ; и какъ вижу, что она грустить, и что уединенїе, въ коемъ содержится,

ся, часто причиняетъ ей глубокую задумчивость, то пускаю ее иногда прогуливаться въ семъ лѣсу въ такія часы, когда думаю, что ни кѣмъ не можетъ быть видима; но я бы пропалъ, естьлибъ поручившей мнѣ ее зналъ, что допустилъ я ее говорить съ кѣмъ нибудь.

Мнѣ бы весьма было прискорбно, отвѣчалъ Удалерикъ подавая ему кошелекъ наполненный золотомъ, естьлибъ причинилъ тебѣ наималѣйшее мученіе; и какъ не можешь ты мнѣ промыслить свиданія съ Эрмиліею, то не откажи мнѣ поговорить на единѣ съ ея подругою; я приду завтра въ сію долину при закатѣ солнца; уговори ее туда притти, и положись на благодарность такого Принца, которой можетъ тебѣ промыслить счастіе гораздо превосходящее то, коего надѣешься ты отъ великодушія Могенова. При сихъ словахъ здѣлавъ знакъ своему любимцу, чтобъ помогъ ево убѣждать взлезъ на своего коня, и поѣхалъ къ городу не ожидая его отвѣта.

Лузинскій тронутъ будучи благодѣяніями на канунѣ оказанными, и настоящею щедростію, и не видавъ

давъ никогда подобныхъ тому отъ Могена, не колебался удостоиться оныхъ такимъ угожденіемъ, въ коемъ не видѣлъ нималѣйшія отваги; потому что эрмилія не будетъ видима. Въ сихъ мысляхъ обѣщалъ онъ Гирфелду удовольствовать Принца, и привесть элизу на свиданіе; потомъ они разошлися; Лузинскій чтобъ стараться о исполненіи своего обѣщанія, а наперстникъ удалериковъ, чтобъ его настичь, и узнать причину той радости, которую изъ глазъ его видѣлъ: но онъ нашелъ его въ состояніи гораздо отмѣнномъ отъ того, въ коемъ онъ былъ тогда, когда другъ друга покинули. Лишъ только сей Принцъ пріѣхалъ въ Прагу, какъ пришли за нимъ отъ Герцога его брата. Какъ не хотѣлъ онъ ни мало оказать своего неудовольствія, и сердце его было тогда спокойно, то пошелъ онъ къ нему неукоснительно. Якомиръ находился одинъ въ своемъ кабинетѣ, и лищъ только ево увидѣлъ, какъ пошелъ къ нему на встрѣчу, и обнявъ его нѣжно: дражайшій мой удалерикъ, сказалъ ему, я жестоко тронутъ тѣмъ, что принужденъ

былъ

былъ отказать тебѣ въ перьвомъ дѣлѣ, о которомъ ты меня просилъ, а еще больше примѣтя, что дружество твое ко мнѣ отъ того перемѣнилось.

Возврати мнѣ оное, любезный Принцъ, и будь въ сей день увѣренъ, что мое не имѣетъ инаго упражненія, какъ стараться о твоемъ счастіи. Удалерикъ приведенный въ жалость симъ пріемомъ, и коего душа пріуготовлена была любовью къ принятію пріятныхъ заразъ, отвѣчалъ на сіи слова съ равномѣрнымъ дружествомъ, какое чувствовалъ прежде къ сему Государю, и будучи несиленъ притворяться, не скрылъ отъ него, сколь огорченъ онъ былъ, узнавъ что Могенъ имѣетъ надъ нимъ больше власти нежели онъ, и просилъ ему простить, естьли досада его превзошла границы повиновенія. Якомиръ клялся, что ему то весьма чувствительно, но не огорчительно. Позабудемъ, дражайшій Удалерикъ, примолвилъ онъ, всѣ сіи перемѣны, и здѣлаемъ богемію ѳеатромъ нашего согласія и твоего благополучія тѣми узами, кои могутъ ей доказать, что мы единодушны

тогда

тогда, когда надлежитъ помышлять о благосостоянiи, и славѣ государства. Я отдаю себѣ справедливость, правленiе областей для рукъ моихъ весьма тягостно, и я намѣренъ его тебѣ уступить, женивъ тебя на достойнѣйшей Принцессѣ; ты знаешь, продолжалъ онъ, несчастiя Вершовичей, свѣдомо тебѣ, что трагическая смерть послѣдняго изъ сихъ Принцевъ причинила гибель несчастнаго Болеслава; но того не вѣдаешь, что Небо сохранило отъ него отросля, по средствомъ котораго можемъ мы загладить толико замѣшательствъ. Да, любезный мой Удалерикъ, Беатрикса дочь Принца Вершовича жива, и рѣдкая ея красота дѣлаетъ ее столькоже достойною короны, сколько неопровергаемыя правы, кои имѣли на оную ея предки: возложиже оную на ея главу, и владычествуй съ нею. Iмператоръ желаетъ сего брака, народъ того требуетъ, и я смѣю ласкать себя. . .

Я! вскричалъ Принцъ, коего любовь къ Эрмилiи дѣлала нечувствительнымъ ко всѣмъ другимъ предмѣтамъ! Я, чтобъ соединилъ кровь мою съ кровiю непрiятелей моего родите-

ля! чтобъ женился я на племянницѣ Могеновой! нѣтъ, государь, не ожидай сего усилія отъ моего дружества, я разорву на всегда узы нaисвятѣйшіе прежде, нежели соглашусь на сіе поношеніе. Я ненавижу Могена, гнушаюсь беатриксою, и не хочу на семъ основаніи владычествовать. Пусть Оттонъ учреждаетъ по волѣ свою фамилію, а въ твою чтобъ онъ не мѣшался; или дай ему знать, что таже рука, которая принудила его заключить миръ, можетъ ему еще объявить и войну. Сіе противно нашей пользѣ, отвѣчалъ съ холодностію Герцогъ, чтобъ здѣлать намъ Оттона непріятелемъ; онъ защищаетъ беатриксу, и естьли примешь ты ея руку, то сей Монархъ откажется на всегда отъ требованій, кои думаетъ имѣть на богемію, и припишетъ тебѣ знатный титулъ Короля. Нѣтъ мнѣ нужды въ Императорѣ, отвѣчалъ Удалерикъ, дабы имѣть сей прибытокъ, люди такого состоянія, какъ я, находятъ королевства на острѣѣ своихъ шпагъ: но, государь, примолвилъ онъ съ меньшею суровостію, сколь бѣдственно твое ослѣпленіе! развѣ

развѣ не видишь ты, что честолюбивый Могенъ употребляетъ всѣ способы, чтобъ достать себѣ престолъ и здѣлать насъ жертвами своего мщенія.

Якомиръ былъ добродушный Государь, благоразуменъ и воздерженъ; но когда былъ онъ увѣренъ о чьей нибудь добродѣтели, и когда осмѣливались того утѣснять, тогда вся умѣренность его покидала: онъ любилъ Могена, онъ его почиталъ, и какъ былъ увѣренъ, что заслуживалъ онъ сіи склонности; то не могъ снести несправедливыхъ подозрѣній своего брата; и въ первой разъ своея *жизни* возрѣвъ на него съ такою гордостію, отъ коей бы всякъ другой вострепеталъ: Принцъ, отвѣчалъ онъ ему, ты забываешь, что говоришь мнѣ, я бы хотѣлъ долженствовать покоемъ государства единственно твоему послушанію; но принужденъ употребить власть мою, то повелѣваю тебѣ жениться на беатриксѣ, которая въ скоромъ времени появится при моемъ дворѣ, или итти въ другія страны искать королевствъ, кои находятся на острѣѣ твоей шпаги. Сіи ужасныя слова побудили сего Принца потерять всю

умѣренность: да, отвѣчалъ онъ ему, я буду король, и тѣ, кои отваживаются мнѣ повелѣвать, испытаютъ съ своей стороны дѣйствiи справедливаго моего гнѣва. Послѣ сихъ немногихъ словъ вышелъ онъ, и пошелъ въ свои чертоги въ то время, какъ прiѣхалъ къ нему Гирфелдъ.

Дражайшiй Гирфелдъ, сказалъ онъ ему, какъ скоро ево увидѣлъ, быть уже тому такъ, не бойся больше моихъ недоумѣнiй, отмстимъ, и станемъ владычествовать. Какъ свирѣпство, коимъ взоры его воспалены были, говоря такимъ образомъ, побуждало любимца его думать, что произошло странное дѣло, то просилъ онъ его о томъ увѣдомить.

Удалерикъ будучи крайне огорченъ, не допускалъ себя принуждать долго: онъ увѣдомилъ ево про весь свой разговоръ съ Герцогомъ, и почитая предложенiи его неправосудiемъ и тиранствомъ: любезный мой Гирфелдъ, продолжалъ онъ, надобно признаться предъ тобою въ моей слабости, нѣжныя облобызанiи Якомировы, и искренное ево признанiе въ томъ, что меня обидѣлъ, меня было оболстили; душа моя

пришла

пришла отъ того въ жалость; и я хотѣлъ утушить навѣки все мое озлобленіе, естьлибъ не возбудилъ онъ его варварскимъ своимъ повелѣніемъ, и можетъ бы быть безъ горячей любви, коею Эрмилія воспалила мое сердце, уступилъ бы я желанію соединиться съ Якомиромъ: но возможно ли мнѣ жертвовать племянницѣ Могеновой, дочери Вершовичевой единымъ предмѣтомъ, могущимъ составить все мое благоденствіе? Нѣтъ, Гирфелдъ, пусть все пропадетъ прежде, нежели похитятъ у меня то, что я люблю, хотя бы самому надлежало мнѣ умереть.

Не надобно умирать, Государь, пресѣкъ Гирфелдъ, надобно владычествовать и вѣнчать прекрасную Эрмилію; не думай, чтобъ Герцогъ и Могенъ положили препоны твоимъ намѣреніямъ. Отказъ твой крайне ихъ огорчилъ, и такъ они стараются привесть тебя въ несостояніе что нибудь предпріять: предвари то, что они безъ сомнѣнія противъ тебя вымышляютъ; поспѣши твоею местію, а я отвѣтствую тебѣ за удачу. Удалерикъ не имѣлъ ну-

жды въ возбужденіи; ослѣпленъ будучи страстію, коей не зналъ никогда владычества, раздираемъ ревнивостію, горя честолюбіемъ и желаніемъ мести и обладанія предмѣта своея любви: Гирфелдъ не находилъ больше затрудненій довесть его такъ далеко, какъ ему хотѣлось; и какъ страхъ, чтобъ Герцогъ не велѣлъ его арестовать, присоединился еще къ терзаемымъ его движеніямъ, то заключили они, чтобъ какъ скоро прибудутъ войска, овладѣть ночью городомъ, напасть на дворецъ, и чтобъ перьвое ихъ стараніе было, захватить Якомира и Могена, а во ожиданіи Гирфелду разсѣять между народомъ слухъ, что Герцогъ и его любимецъ хотятъ вручить богемію Імператору; что Удалерикъ сильно тому противится, и дабы за то отмстить, приняли они намѣреніе ево арестовать и умертвить. Принявъ такимъ образомъ всѣ сіи мѣры, Принцъ, коего любовь непрестанно терзала, и послѣдніяслова Эрмиліины ласкали сладчайшею надеждою, приготовлялся къ свиданію, кое надлежало ему имѣть на другой день съ Элизою, съ тако

кою нетерпѣливостїю, какъ будто бы только сїя одна хитрость положена имъ была на мѣрѣ; таково то подлинно, что есть произшествїи опредѣленныя Провидѣнїемъ и непроницательною судбою; людямъ самымъ малосмысленнымъ удаются часто противъ всякаго чаянїя наитруднѣйшїе замыслы, дабы находили они въ самомъ успѣхѣ порочныхъ своихъ предпрїятїй то наказанїе, кое они заслужили.

Удалерикъ испыталъ скоро сїю истинну. Все благопоспѣшно было его намѣренїямъ; народъ взиравшїй на него какъ на твердѣйшую свою подпору, и крайне обольщенный наружными его качествами, будучи жестоко опечаленъ опасностїю ему угрожаемою за утвержденїе его правъ, принялъ его сторону, и довелъ бы себя въ туже минуту до какой нибудь крайности, естьли бы старающїеся его возбуждать не принудили его ожидать повелѣнїя Принцева къ оказанїю оной. Съ другой стороны сколь ни раздраженъ былъ Якомиръ, однако природная его щедрота и совѣты Могеновы препятствовали ему дойти до насилїя противъ

 своего

своего брата ; и зная , колико онъ былъ любимъ , притомъ опасаясь возбудить опасной бунтъ, хотѣли они поступить умѣренно, и разсуждать по ихъ поступкамъ о предприемлемомъ, надѣясь , что взоръ беатриксинъ и прозбы Імператоровы побудятъ его признать пользу, которую принесетъ ему сей бракъ ; а сія то тихость и спокойство промыслили Удалерику все потребное къ тому время , къ погубленію тѣхъ, кои толь чувствительно его щадили.

XV НОВОСТЬ.

продолженіе удалерика.

Между тѣмъ сей Принцъ извѣстясь, что дѣлаютъ великія пріуготовленія , хотя весьма тайно , къ принятію племянницы Могеновой , что хотятъ ее показать народу съ великолѣпіемъ на другой день по ея прибытіи , имѣвшемъ послѣдовать чрезъ недѣлю, употребилъ всѣ свои силы къ предупрежденію сея минуты; но какъ политическія его дѣла столько

ко заимствовали отъ любовныхъ, что не могъ оныхъ пренебрегать, то лишь только наступила минута его свиданія, сѣлъ онъ на лошадей съ Гирфелдомъ. Покушеніе его не обмануло: Лузинскій поступилъ съ толикимъ проворствомъ, что увѣдомилъ Элизу о томъ, чего отъ ней требовали, а Эрмилія того не примѣтила. Сія дѣвица, коей госпожа ея призналась, что егерь оный былъ тотъ незнакомецъ, коего не могла она истребить изъ своей памяти, и что она безмѣрное чувствовала желаніе узнать, кто онъ таковъ, и по какому случаю кажется быть свѣдущимъ о нѣкоторой части ея тайностей, приняла съ радостію предложенной ей случай, дабы о томъ навѣдаться. Препровождаемая ею жизнь такъ ей наскучила, и охота оную перемѣнить, такъ ее возбуждала, что не желала ничего болѣе сего, какъ вывесть изъ оной Эрмилію, и вообразя себѣ, что Принцъ Польскій будетъ ей великою помощію къ тому, не дѣлала никакова сопротивленія Лузинскому, и обѣщала выти на лугъ въ назначенный часъ.

Въ самомъ дѣлѣ примѣтя, что Эрмилїя была печальнѣе обыкновеннаго, и желала остаться одна, просилась у ней нѣсколько прогуляться, что оная и дозволила ей скоро, не опасаясь, чтобъ сїя дѣвица могла говорить о томъ, что до нее касалось, скрывая отъ ней всегда то, что важно для ней было содержать тайно. И такъ Элиза видя себя на свободѣ итти прогуливаться, велѣла одному изъ сыновей Лузинскаго, вести себя на свиданїе. Удалерикъ лишъ только туда прибылъ; плѣнясь тѣмъ, что ее увидѣлъ, сошелъ съ лошади, и оставя Гирфелда съ молодымъ Лузинскимъ, пошелъ къ ней, и поклонясь говорилъ: упусти мнѣ, любезная Элиза, наведенной мною тебѣ трудъ, не обвиняй въ томъ ничего, кромѣ трудностей, кои я нашелъ въ томъ, чтобъ поговорить съ Эрмилїею; и какъ довѣренность ея къ тебѣ ободряетъ мою, то дозволь себѣ сказать, что прекрасная твоя госпожа возбудила въ сердцѣ моемъ наисильнѣйшую любовь, и надобно непремѣнно мнѣ умереть, естьли не услышу изъ устъ твоихъ, что не будетъ она противоборствовать старанїямъ,

кои

кои я приложить намѣренъ, дабы соединить судьбину мою съ ея. Увѣдомьже меня, дорогая Элиза, о породѣ Эрмилїиной, и о томъ, чего требуетъ отъ ней могенъ; какое ево намѣренїе при разглашенїи о томъ, что она крестьянка; а особливо, кто сей незнакомецъ представшїй ея взору во время общенароднаго празднества, коего она, какъ тебѣ сказала, была на другой день свидѣтельницею; и будь обнадежена о скорой моей благодарности?

Не нужно, Государь, отвѣчала она, возбуждать мое усердїе упованїемъ награды; я должна тебѣ жизнїю равно какъ и Эрмилїя; сея причины довольно побудить меня къ оказанїю тебѣ услуги, а ты изъявляешь во всей своей особѣ видъ величества, которой возбраняетъ мнѣ сомнѣваться, чтобъ прозьбы твои не были для меня приказанїями; вся моя прискорбность состоитъ въ томъ, что не возможно мнѣ будетъ извѣстить тебя о всемъ тобою вѣдать желаемомъ; между тѣмъ естьли любовь наиболѣе всего тебя воспламеняетъ то могу тебя обнадежить, что Эрмилїя не будетъ тому

му противна, потому что ты самый тотъ незнакомецъ, который причиняетъ тебѣ толико безпокойства. Ахъ! боже великїй! пресѣкъ Удалерикъ будучи восхищенъ отъ радости, могу ли я ласкать себя толикимъ благоденствїемъ? Но какъ то могло статься, чтобъ удивительная Эрмилїя не представилась моему взору?

Легко тебя о томъ увѣдомить, государь, отвѣчала Элиза; но дабы увѣрить тебя лучше о сей истиннѣ, и удовольствовать отъ части твое любопытство, надлежитъ мнѣ взять дѣла изъ далека, признавшись тебѣ, что хотя воспитана я съ Эрмилїею, однако не знаю о ея породѣ и отечествѣ, дабы изъяснить тебѣ нѣкоторымъ образомъ сїю темноту, то знай, что я дочь одного стариннаго офицера покойнаго Герцога Болеслава по имени Беро. Родитель мой, коего имѣнїе не соотвѣтствовало породѣ, не могши привесть въ знать фамилїю свою при дворѣ, содержалъ ее въ старинномъ замкѣ, которой имѣемъ мы на самомъ краю Богемїи. Сїе гнусное уединенїе возбудивъ въ матери моей болѣзнь отъ задумчивости

вости произшедшую, прекратило дни ея тогда, когда мнѣ было только два года отъ роду. Немного времени спустя послѣ ея кончины, родитель мой прибылъ въ свой замокъ съ двумя женщинами и одною малинкою дѣвушкою моихъ лѣтъ. Умѣстивъ ихъ во ономъ, выгналъ всѣхъ прежнихъ служителей, отнялъ у меня мою мамку, и отдалъ меня подъ надзиранїе матери Эрмилїиной; ибо, государь, это была она; и сїе имя всегда она на себѣ носила, равно какъ и мать ея никакого друга не имѣла. Итакъ зделалась я ея питомицею и подругою ея дочери; отецъ мой не остался надолго съ нами, и покинулъ новыхъ своихъ гостей самовластными госпожами въ своемъ домѣ.

Я не имѣла довольно разума, чтобъ проникнуть сїю тайну; и плѣнясь тѣмъ, что имѣла товарищей, помышляла только о удовольствїи онымъ пользоваться. Молодая Эрмилїя была уже столько любови достойна, что овладѣла моимъ сердцемъ; я такъ къ ней прилѣпилась, что была съ нею неразлучна, что доставило мнѣ пользу такого воспитанїя, кое подвергалось опасности

быть

быть въ небреженіи безъ сего произшествія; но мать Эрмиліина не забывала ничего, что могло украсить разумъ ея дочери, а я имѣла счастіе слѣдовать стопамъ ея, хотя изъ далека. Между тѣмъ не видали мы никого. Одни наши хозяева имѣли дозволеніе входить въ за́мокъ, и не разговаривали съ нами инако, какъ въ присутствіи одной пожилой женщины, которая воспитывала Эрмилію, и коей видъ печальный и строгій приводилъ меня въ трепетъ. Такимъ образомъ достигли мы до пятнатцатаго года; и какъ привадили насъ почитать другъ друга за сестръ, то предалась я со всѣмъ тому побужденію, которое влекло къ ней по близости родства обходиться безъ околичностей. Родитель мой пріѣхалъ къ намъ почти въ сіе время, и былъ свидѣтелемъ вольности, съ каковою жила я съ Эмиліею.

Но либо сіе ему не понравилось, либо другія причины побуждали его оную воздержать, позвалъ онъ нѣкогда меня къ себѣ одну; и посмотрѣвъ на меня видомъ довольно ревностнымъ: Любезная моя Элиза, сказалъ мнѣ,

мнѣ, я радуюсь согласїю господствующему между тобою и Эрмилїею, но доволенъ весьма тѣмъ, что могу тебя увѣдомить, что не смотря на милости, кои мать ея и она тебѣ оказываютъ, онѣ такого достоинства, къ коему надлежитъ тебѣ быть подобострастной: это двѣ несчастныя знатныя особы, примолвилъ онъ, кои рождены къ ношенїю коронъ. будучи чужестранки въ сихъ мѣстахъ; не менѣе однакожъ почтенїя достойны; несчастїя ихъ можетъ быть когда нибудь кончатся; и такъ привыкай нечувствительно къ большему почтенїю ко младой Эрмилїи; не воспрїимай съ нею иныхъ вольностей опричь тѣхъ, кои она похочетъ тебѣ дозволить, дабы сею благоразумною и умѣренною поступкою заслужить тебѣ то, чтобъ взяла она тебя съ собою, когда возможно ей будетъ, увидѣть со славою свое отечество.

Хотя слова сїи ввергнули меня въ великое удивленїе, однако столько почуствовала я радости узнавъ, что Эрмилїя высокой породы, что изъявила оную предъ глазами моего родителя; онъ меня за то благодарилъ,

рилЪ, и приказавЪ мнѣ не показывать сей прекрасной особѣ ничего мнѣ сказаннаго, и поступать по его совѣтамЪ, какЪ будто бы то было по собственному моему движенію, обнялЪ онЪ меня, и пошелЪ со мною кЪ матери и дочери, гдѣ нашли ихЪ толь ревностныхЪ, что не имѣла я труда принудить мое безмѣрное удовольствіе; но родитель мой лишь только отъѣхалЪ вЪ Прагу, какЪ не могши болѣе скрывать моей радости, но не смѣя однако сказать тому причину, спѣшила я изъявить различными поступками почтеніе кЪ Эрмиліи, дабы примѣтила она перемѣну оныхЪ, и спросила меня о причинѣ того.

Хитрость моя была мнѣ удачлива. Чудясь видя меня поступающую сЪ необычайною мнѣ преданностію, изъявила она мнѣ о томЪ свое соболѣзнованіе, и дала мнѣ знать, что пріемлетЪ весь долгЪ ей мною оказуемой за недостатокЪ дружества. Я предана тебѣ на всю жизнь мою, сказала я ей тогда; но теперь стала болѣе просвѣщенна дабы не разсудить, что то, что мнѣ было дозволено вЪ дѣтствѣ, не прости-

простительно бы было во мнѣ теперь. Знаю, что неимѣю чести быть твоею сестрою, и за счастїе почитаю, естьли возмогу удостоиться того, чтобъ предпочла ты мои услуги всѣмъ тѣмъ, кои тебѣ оныя оказать могутъ, иестьли почтешъты меня достойною твоея повѣренности. Сїи слова ея удивили, и желая непремѣнно знать, что принудило меня такъ говорить, отвѣчала она мнѣ, что для заслуженїя мною желаемаго, надлежало здѣлать начало, объявленїемъ ей того, что побудило меня говорить ей такимъ образомъ.

Я не колебалась, и разсказала ей отъ слова до слова произходившїй разговоръ между родителемъ моимъ и мною, думая быть первою въ принесенїи ей сея вѣдомости, но увидѣла, что она предварена прежде меня о своей судьбинѣ. Дражайшая моя Элиза, сказала она меня обнявъ, кто бы я такова ни была, только не хочу, чтобъ перемѣнила ты свою со мной поступку; принцесса ли я или нѣтъ, только ты будешъ всегда моею прїятельницею. Ѳеро не обязалъ меня подавъ тебѣ таковой совѣтъ, не слѣдуй оному,

естьли хочешь мнѣ угодить, а особливо не думай, чтобъ изъ недовѣренности не открывала я тебѣ ничего отъ всей сей тайны; но дорогая моя Элиза, для моей и любимыхъ мною особъ безопасности, надлежитъ мнѣ хранить глубокое о семъ безмолвіе, и одинъ только законъ на тебя налагаю, чтобъ не спрашивать меня о семъ никогда. Вотъ, государь, продолжала Элиза, все что я о томъ знала, и въ два года, кои мы еще прожили въ нашемъ замкѣ, не возможно мнѣ было узнать о томъ болѣе. Въ концѣ втораго года, мать Эрмиліина скончалась, а отецъ мой пріѣхалъ къ намъ дабы ее утѣшать, и побудить къ перемѣненію жилища, она находилась въ толь великомъ прискорбіи, что не чувствовала нималѣйшаго удовольствія, покидая гнусное наше обиталище. Что до меня, ласкающейся тѣмъ, что перемѣня мѣсто перемѣнитъ она и свое состояніе, то почувствовала я отъ того безмѣрную радость. Мнѣ надлежало за нею слѣдовать; но по несчастію на канунѣ отъѣзда впала я въ опасную болѣзнь.

Эрмилія

Эрмилія не хотѣла меня покинуть, но для причинъ, коихъ не могла я узнать, принудилъ онъ ее, не медлить своимъ отъѣздомъ, обѣщавъ ей, что сколь скоро я выздоровѣю, столь скоро онъ меня къ ней пришлетъ; и не взирая на взаимную нашу печаль надлежало намъ разлучиться. Она сѣла въ возокъ съ моимъ родителемъ, безъ свиты и убранства, и какъ надлежало проѣжжать городъ Прагу, для въѣзду въ домъ, въ коемъ мы находимся, день, въ которой она ѣхала, былъ тотъ самой, въ которой Герцогъ богемскій давалъ великолѣпное пиршество народу, торжествовавъ возвратъ и побѣды Принца Удалерика, которой не казался притомъ изъ любомудрія, стеченіе народа было толь велико, что возокъ эрмиліинъ не могъ проѣхать, и извощикъ принужденъ былъ стать между обѣими Тріумфальными воротами, украшающими всѣ четыре стороны площади подлѣ дворца Герцогова. Эрмилія подняла занавѣску у своего возка, дабы наслаждаться толь новымъ для нея зрѣлищемъ; родитель мой указалъ ей Якомира, которой съ балкона

учреждалъ самъ украшенїе площади: онъ былъ богато одѣтъ, а дворъ его многочисленъ и великолѣпенъ; но глаза ея не долго устремлены были на него; предмѣтъ не столь по видимому знатный, но гораздо достойнѣйшїй ея взоровъ, привлекалъ оные на себя во все то время, пока возокъ не могъ подвинуться, и то былъ ты, государь; казалось, что ты хотѣлъ войти во дворецъ съ нѣкоторою тайностїю, закрывая лице свое отъ времени до времени, и не хотя, чтобъ дѣлали тебѣ больше мѣста, нежели другимъ. она примѣтила, что нѣсколько караульныхъ подошли къ тебѣ съ великимъ почтенїемъ, и что далъ ты имъ знакъ, дабы ничего не говорили. Между тѣмъ, дабы лучше тебѣ скрыться, посторонился ты отъ возка, и она имѣла удовольствїе разсмотрѣть тебя безъ принужденїя, и запечатлѣть тебя толь совершенно въ своей памяти, сколь тщетныя прилагала силы истребить тебя изъ оной. На конецъ толпа народа разошлась, ты скрылся, возокъ поѣхалъ, и привезъ ее къ Лузинскому, коего зналъ мой родитель. Принцъ Могенъ принялъ ее такъ,

какъ

какъ я потомъ провѣдала; и послѣ продолжительнаго тайнаго разговора приказалъ ей надѣть на себя крестьянское платье. Я же когда находилась въ состоянiи ѣхать, тогда прiѣхали за мною, и я увидѣлась съ нею съ толикою же радостiю, съ коликою печалiю ее покинула: она разсказала мнѣ про все, что ты теперь слышалъ, и просила меня имѣть великое почтенiе ко всему тому, что ни прикажетъ Могенъ; что она единственно отъ него ожидаетъ перемѣненiя своея судьбины, и что не можетъ она имъ довольно нахвалиться; но я не могла открыть любовь ли или другая какая причина побуждаетъ такъ поступать сего Принца, Эрмилiя хранитъ о томъ глубокое безмолвiе; все что свѣдомо мнѣ состоитъ въ томъ, что серце ея совсѣмъ тебѣ предано, и что услуга его оказанная ей вчера тобою, сильно увеличила сiю склонность; между тѣмъ одной только ея добродѣтели надлежитъ тебѣ бояться, естьли склонности твои ея не достойны. Она казалась мнѣ весьма любопытною знать, кто ты таковъ, и приказала мнѣ навѣдаться

ся о томъ отъ Лузнискаго; но я будучи увѣрена, что тебя увижу сего дня, хочу единственно отъ тебя самаго о томъ извѣститься, а сіе мнѣ тѣмъ нужнѣе, что должно тебя увѣдомить, что мы скоро перемѣнимъ наше жилище: Могенъ пріѣхавъ вчера пріуготовилъ къ тому Эрмилію, и страхъ никогда тебя не видѣть, не мало имѣетъ участія въ жестокой печали, коею духъ ея терзается.

Не видѣть ея больше никогда, вскричалъ Принцъ, ахъ дражайшая Элиза! сколь бы мало былъ я достоинъ того счастія, что ей понравился, естьли бы не отважилъ самой жизни моей, для предупрежденія таковаго злоключенія. Сильныя причины, примолвилъ онъ, принуждаютъ меня умолчать предъ тобою мое имя; но могу тебя обнадежить, что жертвуя несравненной Эрмиліи сердцемъ моимъ и клятвою, возложу на главу ее корону; но то меня еще тревожитъ, что имѣетъ она ненависть ко владѣльцамъ здѣшнія земли. Тогда объявивъ ей, какимъ образомъ онъ ихъ обѣихъ въ первой разъ увидѣлъ, и разговоръ имъ слышанной,

шанной, просилъ ему изъяснить ту ненависть, которую Эрмилїю изъявила къ Удалерику и Якомиру.

Ето еще такая тайна, которой я не знаю, Государь, отвѣчала она, но она не хочетъ слышать выговариваемыя ихъ имена, и изъ слышаннаго мною изъ продолжительныхъ ея разговоровъ съ Могеномъ, отъ котораго выходитъ она всегда въ слезахъ, понимаю, что хочетъ онъ ее принудить появиться при дворѣ.

Я надѣюсь, отвѣчалъ онъ ей, побудить ее перемѣнить свою мысль: между тѣмъ, любезная Элиза, утверждай ее въ тѣхъ, кои она ко мнѣ имѣетъ, я выведу васъ скоро изъ вашего уединенїя, и славною судьбою наградивъ усердїе твое къ Эрмилїи, докажу тебѣ мое почтенїе и благадарность. Окончавъ сїи слова, снялъ съ своего пальца драгоцѣнной алмазной перстень, и не смотря на усильное и продолжительное сопротивленїе, принудилъ ее вздѣть на свой, послѣ чего другъ съ другомъ простились. Принцъ видя ее отшедшу съ проводникомъ, сѣлъ паки на лошадь и поѣхалъ въ Прагу въ провожанїи Гирфелда, тве-

рдо предпріявъ похитить Эрмилію у Могена. Вошедъ въ свой дворецъ, получилъ извѣстіе, что войска его прибудутъ въ сію ночь подъ стѣны города.

Какъ сія вѣдомость утвердила его въ семъ предпріятіи то вознамѣрился съ своимъ любимцемъ, оказать себя общенародно, какъ скоро онѣ прибудутъ, будучи не возможно скрыть ихъ днемъ, или впустить въ городъ, не подавъ подозрѣнія. Гирфелдъ увѣдомилъ немедлѣнно заговорщиковъ, коимъ надлежало взволновать народъ, и дать мѣсто войску принцеву. Все было точно исполнено, и безопасность Якомирова была толь благопоспѣшна сему плачевному предпріятію, что не нашлось никакой препоны могшей ихъ отъ того отвратить. Удалерикъ предводительствуя своею гвардіею въ два часа по полуночи овладѣлъ тѣми воротами, куда надлежало входить его войску: какъ взирали на него съ равнымъ Якомиру почтеніемъ, и повелѣніи его исполняемы были съ таковоюже преданностію, то не дѣлали нималаго затрудненія оныя ему вручить.

Онъ

Онъ тотчасъ провелъ свои войска, поставилъ караулы у всѣхъ воротъ, приказалъ отнять оружїе у тѣхъ, отъ коихъ могъ опасаться какого насилїя; и подошелъ къ городу крича вольность; послѣ чего всѣ военные люди находящїеся въ Прагѣ съ нимъ соединились. Народъ увѣренный, что сїе предпрїятїе чинится для предѣупрежденїя большихъ нещастїй, и коего должность и интересъ принуждали утверждать Принца, казался ополченнымъ на всѣхъ улицахъ, Гирфелдъ командовавшїй недовольными своей партїи, выбралъ нѣсколько наиотважнѣйшихъ, и между тѣмъ какъ удалерикъ овладѣлъ знатнѣйшими мѣстами, побѣжалъ онъ во дворецъ Герцоговъ, напалъ на его гвардїю, которая будучи въ удивленїи и почти безъ защиты пустила ево за послѣдней караулъ: но наконецъ шумъ и бунтъ здѣлались толь велики, и крикъ обывателей раздавался такимъ образомъ, что какъ удивленїе уступило желанїю защищаться, то здѣлалося скоро ужасное кровопролитїе между бунтующими и дворцовою гвардїею.

Якомиръ и Могенъ разбужденные толикимъ воплемъ, не сомнѣваясь нимало о истиннѣ, хватались за оружїе повелѣвая увѣдомить Удалерика и предстали съ неустрашимою храбростїю на сопротивленїе бунтующщимъ; и хотя Гирфелдъ имѣлъ необычайное мужество возбуждаемое свирѣпствомъ и отчаянїемъ, и былъ вспомоществуемъ такими людьми, которые смерти не страшились, однако не избѣжалъ бы онъ своея гибѣли, естьли бы Принцъ не присоединился къ нему съ своимъ войскомъ; но присутствїе его и тяжесть ударовъ перемѣнили видъ оныхъ дѣлъ, дворцовой караулъ былъ на части изрубленъ, а знатнѣйшїе офицеры взяты въ полонъ; и какъ никто не держалъ справедливѣйшую сторону, и народъ былъ увѣренъ, что Якомиръ и Могенъ хотѣли его покорить Імператору, то казался онъ наиусерднѣйшимъ къ отмщенїю тѣхъ, кои его такъ поступать побудили. Сей народъ безъ порядка и дисциплины стократно опаснѣе армїи наилутче предводимой и подкрѣпляемой храбрѣйшимъ изъ всѣхъ смертныхъ;

видя

видя побѣду на ево сторонѣ объявленную, продрался сквозь ширенги, и бросясь съ жестокостiя на Якомира и Могена, поразилъ оныхъ, обезоружилъ, и повлекъ въ темницы назначенныя государственнымъ преступникамъ. Сiе храброе дѣло совершенно принудило положить оружiе его защитниковъ. Народъ бросился къ ногамъ Удалериковымъ просилъ его о прощенiи, моля его воспомнить то, что они были его подданные.

Сiя покорность имѣла свое дѣйствiе: Принцъ остановилъ солдатовъ, и обѣщалъ общенародное прощенiе всѣмъ тѣмъ, кои признаютъ его за своего самодержца. Тогда слышенъ былъ со всѣхъ сторонъ крикъ: да благоденствуетъ Удалерикъ, Герцогъ богемскiй. Въ самую ту минуту поставивъ войска свои около дворца, овладѣлъ онымъ; и приказавъ подойти Гирфелду, повелѣлъ ему установить порядокъ и спокойствiе въ городѣ, отдать Якомира и Могена подъ крѣпкую стражу; но особливо не терпѣть, чтобъ ругались ихъ несчастiемъ, ниже чтобъ покусились на жизнь ихъ. Послѣ сего

отдѣлилъ

отдѢлилъ корпусъ войска подъ предводительствомъ одного надежнаго офицера, которой слѢдовалъ за нимъ въ чинѢ конюшаго въ первой разъ когда былъ онъ въ домѢ у Лузинскаго, и приказалъ ему оной окружить своими людьми, и не выпускать оттуда ни кого, ни туда впускать подъ смертною казнїю. ПослѢ сихъ повелѢнїй, коихъ часть была вѢрно исполнена, вошелъ онъ во внутренность дворца. гдѢ получилъ присягу отъ вельможъ и знатнѢйшихъ города, ибо первые не имѢли власти противиться сему стремленїю, а другїе думали поступить тѢмъ по правамъ. Удалерикъ принялъ ихъ съ видомъ щедроты и величества купно, которой наполнилъ ихъ радостїю и удивленїемъ. Сей Принцъ обѢщалъ имъ на другой день обнародовать причины побудившїя его овладѢть короною, и учинить обстоятельное оправданїе своей поступки. Они единодушно отвѢчали, что не требуютъ никакова въ томъ изъясненїя, и что довлѢетъ имъ знать то, что онъ достоинъ ими управлять, и потому признаютъ ево за своего самодержца

модержца: и просили его, чтобъ коронованіе его совершилось того же дня.

Но Удалерикъ желая, чтобъ Эрмилія раздѣлила съ нимъ новое его величество, и чтобъ торжество его брака присоединено было къ торжеству его возведенія на тронъ, сказалъ имъ, что вознамѣрясь учинить сію минуту одною изъ великолѣпнѣйшихъ; и умножить велелѣпіе оной узами, кои положилъ онъ на мѣрѣ съ тою, которую избралъ ихъ государынею, желалъ онъ чтобъ имѣли все потребное время къ тому приуготовиться, дабы дворъ и городъ показали притомъ свое усердіе и ревность. Сіи слова выговоренныя съ сродною ему пріятностью, возобновили радость такимъ образомъ, что не слышно было во всемъ дворцѣ ничего инаго кромѣ радостныхъ кликовъ, ибо богемцамъ ничто такъ на сердцѣ не лежало, какъ бракъ сего Принца. По учиненіи и полученіи присяги, новый Герцогъ приказалъ сказать придворнымъ дамамъ, быть въ готовности къ принятію той, коей надлежало быть ихъ государынею; и какъ ее не

не называли, то всякъ былъ въ крайней нетерпѣливости видѣть ее появившуюся. Между тѣмъ какъ часть ночи употреблена была на сію странную експедицію, и день наступилъ для освѣщенія побѣды Удалериковой, то остатокъ предъ полуднемъ прошелъ въ успокоеніи и примиреніи умовъ, въ установленіи порядка, и въ приведеніи дѣлъ въ такое состояніе, чтобъ нѣчего было бояться отъ тѣхъ, кои жалѣли о судбинѣ Якомира и Могена. Когда любовникъ Эрмиліинъ исполнилъ должность, коей требовало новое его достоинство, тогда помышлялъ только о томъ, чтобъ вырваться изъ толпы, дабы принести корону свою къ стопамъ предмѣта своего пламѣни. Между тѣмъ какъ любовь, ненависть и мщеніе были причиною толикихъ замѣшательствъ, Элиза плѣненная незнакомымъ Принцемъ, пришла къ Лузинскому, вознамѣрясь ничего не щадить, дабы утвердить склонность, которую Эрмилія къ нему чувствовала. Какъ продолжающаяся задумчивость сея прекрасныя особы подала ей случай говорить отомъ, то здѣлала она то

съ обыкновенною своею веселостїю: я несчастлива въ моемъ прогуливанїи, государыня, сказала она ей, когда нахожусь не съ тобою, я надѣялась увидѣть паки нашего избавителя, но нашла только того охотника, которой казался намъ вчера толь безпокоющимся о семъ произшествїи.

Что! дражайшая моя Элиза, отвѣчала она ей, ты имѣла дерзновенїе вытти, послѣ того что съ нами случилось, дозволенїе данное тебѣ мною, не далѣе простиралось какъ до саду Лузинскаго, естьли бы сказала ты мнѣ про свое намѣренїе, то бы я сильно тому противилась. Я въ томъ сомнѣвалась, сказала Элиза тѣмъ же голосомъ, какъ начала, и сїе самое принудило меня то отъ тебя скрыть: ибо наконецъ естьли бы осталася дома, то бы не знала я, что незнакомецъ есть великїй Принцъ тебя обожающїй; что хочетъ онъ употребить все, дабы соединить судьбу свою съ твоею, и что можетъ быть увижу я скоро корону на главѣ твоей. Сїи слова возбудили румянецъ въ Эрмилїи, и извлекли нѣсколько слезъ изъ очей ея.

Элиза

Элиза не смѣла болѣе продолжать своихъ издѣвокъ, и пріняла на себя видъ гораздо ревностнѣйшій, прося ее открыть новую причину ея печали, я часто примѣчала, примолвила она, что бесѣды твои съ Могеномъ приводятъ тебя въ состояніе почти сему подобное, но я никогда не видала тебя въ толикомъ глубокомысліи, и какъ оно толь долго продолжается, то надобно, чтобъ и причина была знатнѣе обыкновенныя: не ужѐ ли всегда будешъ ты скрывать отъ меня причину, слезъ твоихъ? и не ужѐ ли тайна твоихъ злоключеній и твоей породы не будетъ мнѣ никогда открыта? я видѣла тебя воздыхающую тогда, когда Могенъ приказалъ тебѣ надѣть на себя сію грубую одежду, и вижу текущія слезы твои, когда извѣщаю тебѣ о вышнемъ величествѣ. Признаюсь тебѣ, государыня, сія непроницаемая тайна начинаетъ меня оскорблять, и я нахожусь въ крайней печали, зная по твоему безмолвію, что менѣе ты меня любишь, нежели я тѣмъ ласкать себя дерзала.

Сія укоризна, дражайшая моя Элиза, съ прискорбностію отвѣчала

ей

ей Эрмилія, мнѣ больше чувствительна, нежели ты думаешь: развѣ мнишь ты, естьли бы тайна касалася только до одной меня, чтобъ я толь долго оную отъ тебя скрывала? Не открывала ли я тебѣ всѣхъ сердца моего тайностей? И естьли по нѣкоторому движенію, коимъ я обладать не въ силахъ, таила я отъ тебя нѣчто, то не давала ли я тебѣ вольности оное проникнуть? Я объявила тебѣ всѣ чувства горячности, кои влекутъ меня противъ воли къ сему зловредному незнакомцу, коего незапной случай допустилъ мнѣ паки увидѣть единственно для того, чтобъ во все потревожить покой мой? На что же можешь ты жаловаться; должна ли ты удивляться, что роптала я видя себя доведенну до таковаго уничиженія, въ коемъ нахожусь, не признавшись тебѣ, что я произошла отъ знатной крови? Достоинство, на которое, какъ ты себя ласкаешь, незнакомецъ хочетъ меня возвести, не есть виною слезъ, кои я здѣсь проливаю. Дай Небо, продолжала она воздохнувъ, чтобъ былъ онъ Принцъ довольно сильный къ освобожденію меня отъ

прїуготовляемой мнѢ судьбины! Но Элиза, кто таковЪ сей прелестный чужестранецЪ, и какЪ можетЪ онЪ противиться тѢмЪ, кои невзирая на справедливѢйшую ненависть, назначили и помолвили меня за сына убїйцы моего родителя? ВотЪ причина бесѢды Могеновой, вина слезЪ моихЪ и отчаянїя немогущаго инако прекратиться, какЪ сЪ моею смертїю.

Хотя сїи слова были еще исполнены темнотою для Элизы, однако матерїя показалась ей толь важною, а прекрасная Эрмилїя толь печальною, что не дѢлала она ей новыхЪ вопросовЪ; и будучи удалена отЪ того, чтобЪ изЪявить ей вкорененное ею вЪ нее любопытство, старалась только ее утѢшать, подавая ей надежду, что какое нибудь неожидаемое счастїе выведетЪ ее изЪ сего плачевнаго состоянїя, основывая предчувствїе свое на опасности, коей она на канунѢ была подвержена, и отЪ коей свободилась вЪ такой часЪ, когда наименѢе того ожидала: но Эрмилїя была толь сильно увѢрена о своемЪ несчастїи, что не внимала такихЪ ея представленїй, и не могла

во

во всю ночь освободиться отъ угнѣтающей ее печали; она проводила часть оной въ великомъ безпокойствѣ; и лишь только день насталъ, какъ не могши преодолѣть своего смятенія, встала, разбудила Элизу, и просила проводить ее въ садъ, дабы нѣсколько разогнать свои мысли.

Онѣ были готовы туда итти, какъ Лузинскій услыша ихъ идущихъ и разговаривающихъ, пошелъ къ нимъ; и подошедъ съ испужавшимся видомъ сказалъ имъ, что домъ его окруженъ воинами, что всѣ входы онаго стрегутся, и что онъ будучи разбуженъ крикомъ и ржаніемъ толикаго множества лошадей, хотѣлъ было выти, дабы видѣть происходящее, но многіе кавалеры съ обнаженными шпагами, запретили ему насквозь ихъ пробираться, подъ страхомъ строжайшаго наказанія, какъ неповинующагося повелѣніямъ Герцога, и просилъ ихъ не выходить изъ своихъ комнатъ, опасаясь, чтобъ ихъ не увидѣли, и чтобъ не случилось съ ними какого нещастія. Сіи слова привели въ трепетъ Эрмилію, которая вошедъ паки въ комнату съ своею

подругою: дражайшая Элиза, сказала бросясь въ ея объятiи, такъ уже здѣлалось, безъ сомнѣнiя хотятъ взять меня изъ сихъ мѣстъ, и я должна стать жертвою любви, которую Могенъ имѣетъ къ Удалерику и Якомиру, ибо на конецъ, Элиза, хотятъ меня выдать за Удалерика.

Удивленiе Элизино было чрезвычайно при сей вѣдомости; но не понимая, чтобъ сей жребiй былъ толь для ней злополученъ, думала что склонность Эрмилiина къ незнакомому Принцу побуждаетъ ее воображать себѣ съ толикою ненавистiю союзъ ея съ Принцемъ богемскимъ; и разсудя о сказанномъ ею о сынѣ убiйцы ея родителя, казавшемся не имѣть ни малѣйшаго соотвѣтствiя съ тѣмъ, чего въ сiю минуту опасалась; она спросила ее, развѣ Могенъ приказалъ ее увѣдомить, что перемѣнилъ онъ мысль свою. Эрмилiя была въ готовности, какъ Лузинскiй пришелъ опять ей сказать, что одинъ изъ драгунъ стрегущихъ его врата, увѣдомилъ его, что весь городъ Прага ополченъ; что Якомиръ сверженъ, Удалерикъ объявленъ

Гер-

Герцогомъ богемскимъ на мѣсто своего брата, Принцъ Могенъ арестованъ, и сїе великое произшествїе есть виною того, что Герцогъ и ево любимецъ вознамѣрились вручить богемїю Цесарю, и принудить Принца Удалерика жениться на такой Принцессѣ, которую онъ не любитъ.

Ахъ! боже великїй! естьли надобно только воспрепятствовать сему браку, вскричала Эрмилїя, дабы даровать Могену свободу, а государству тишину, то нѣтъ ничего толь малотруднаго. Дорогой Лузинскїй, доведи до того, чтобъ я могла говорить съ командующимъ войсками около здѣшнихъ мѣстъ находившимися, то тишина скоро возстановлена будетъ въ городѣ. Изумленный старикъ не имѣлъ времени ей отвѣтствовать. Услыша великую тревогу на своемъ дворѣ, побѣжалъ туда; но ужасъ ево со всѣмъ истребился при взорѣ Удалерика, которой многочисленною своею свитою причинилъ сей шумъ его опечалившїй. Однакожъ не смотря на почтенїе, кое оказывали ему тогда окружившїе

шїе его вельможи, почитая его всегда за Принца польскаго бывшаго безъ сомнѣнїя въ силѣ у Государя, поклонился ему въ томъ разумѣ, и просилъ его о покровительствѣ при Удалерикѣ. Принцъ не могъ воздержаться, чтобъ не улыбнуться, и обнадеживалъ его, что онъ небудетъ имѣть причины жаловаться; и приказавъ себя отвести въ покой Эрмилїинъ пошелъ туда одинъ, не хотя чтобъ кто нибудь былъ свидѣтелемъ ево разговора. Она была въ сїю минуту въ безъизвѣстїи, что дѣлать, дожидаться ли, чтобъ пришли увѣдомить ее о происходившемъ, или выти самой, дабы о томъ навѣдаться, и какъ воспрїимала сїе послѣднее намѣренїе, то Принцъ вступилъ. Онъ былъ великолѣпно убранъ, хотя въ боевомъ одѣянїи, и никогда не находила она его болѣе достойнымъ потаенныхъ склонностей, кои за него вступалися. Ободренная его присутствїемъ пошла къ нему на встрѣтенїе, и посмотрѣвъ на него съ прискорьїемъ: я не должна болѣе ничего бояться, Государь, сказала ему, потому что Небо приводитъ тебя паки ко мнѣ на помощь, и смѣю ласкать

кать себя, чтобъ восхотѣлъ ты употребить себя ко освобожденію меня отъ моихъ непріятелей. Несравненная Эрмилія, сказалъ онъ ей съ почтительнымъ видомъ, не должна здѣсь опасаться непріятелей, и думаю, что довольно скажу, когда увѣдомлю ее, что я здѣсь повелѣваю, дабы увѣрить ее, что все ей будетъ подвластно. Эрмилія воображая себѣ при сихъ словахъ, что объявленная имъ власть состоитъ только надъ войскомъ, изъявила пріятную на лицѣ своемъ свѣтлость, и не сомнѣваясь болѣе о достоинствѣ, кое долженствовалъ онъ имѣть при дворѣ; когда то такъ, государь, продолжала она, то воспрепятствуй Удалерику простирать далѣе свои несправедливости; сказываютъ, что свергнулъ онъ своего брата, и велѣлъ арестовать Могена, кои хотѣли ево принудить къ союзу брака имъ ненавидимаго: пусть будетъ онъ жестокъ и немилосердъ противъ Якомира, я не приму въ томъ инаго участія кромѣ того, что усугублю мою ненависть къ такимъ Принцамъ, кои ничего кромѣ пороковъ производить не умѣютъ; но что до Могена, пусть

возвратитЪ онЪ ему вольность; ибо клянусь предЪ глазами твоими, что беатрикса ненавидитЪ еще болѣе Удалерика, нежели онЪ имѣетЪ ненависти и презрѣнія кЪ ней. Я вижу твое удивленіе, примолвила она, не давЪ ему времени отвѣчать, но, Государь, опасность Могенова не дозволяетЪ мнѣ болѣе хранить молчаніе. Ты видишь предЪ глазами твоими несчастный остатокЪ одной изЪ знаменитѣйшихЪ богемскихЪ фамилій; и чтобЪ увѣдомить тебя о дѣлахЪ сего государства, надобно знать тебѣ о моихЪ злополучїяхЪ узнавЪ что я беатрикса, дочь Принца Вершовича, казненнаго по повелѣнїю жестокаго болеслава, отца Якомирова и сего Удалерика, за коего меня противЪ воли моей хотѣли выдать.

Что слышу я, праведное Небо? вскричалЪ ПринцЪ, отступивЪ нѣсколько шаговЪ; ты беатрикса, ты племянница Могенова? ТакЪ, государь, отвѣчала она, попустивЪ свободное слезамЪ своимЪ теченіе, я та Принцесса, которую бѣдственная судьбина со младенчества гонитЪ; одинЪ МогенЪ мнѣ оставался, онЪ былЪ мнѣ вмѣсто отца, хо-

тѣлъ вывесть меня изъ ссылки, гдѣ принужденъ былъ содержать меня опасаясь о моей жизни: безмѣрная ево привязанность къ Удалерику и Якомиру, коихъ онъ воспиталъ, побуждала его признавать за главное счастїе, чтобъ утушить на всегда пламя ненависти между ихъ кровїю и моею, и потому думалъ промыслить мнѣ весьма благополучную судьбину соединивъ меня съ младшимъ изъ сихъ Принцевъ; онъ не щадилъ ничего, дабы восторжествовать надъ моею противностїю, выхваляя мнѣ непрестанно ево храбрость, славныя дѣла и всѣ добродѣтели, кои ослѣпленїе ево ему приписывало; но неуспѣвая въ томъ, одно мое послушанїе его соизволенїю принуждало было меня собою жертвовать, и день сего брака былъ бы день моея смерти; между тѣмъ злосчастный Могенъ видитъ теперь плодъ нѣжныхъ своихъ старанїй; тюрма или можетъ быть смерть будетъ наградою за его усердїе и привязанность къ сему Принцу. Всякъ, кто не почитаетъ своего брата и Государя, не пощадитъ остатка; и естьли не употребишь

требишь

требишь ты своей власти къ его освобожденію, естьли склонности великодушія, кои тебя влекутъ мнѣ помогать, не принудятъ тебя вырвать меня изъ варварскихъ его рукъ, то будешь ты свидѣтель его гибели и моей.

Прекрасная беатрикса была толь сильно занята своею собственною печалію, что усматривала только малѣйшую часть той, коею Принцъ былъ угнѣтаемъ; и почитая примѣченное ею за дѣйствіе чувствительности ему сродной, употребляла бы еще свое велерѣчіе, дабы наиболѣе его тронуть, естьли бы слезы не принудили ее пресѣчь слова свои; но отчаянный Принцъ богемскій, коему рѣчь сія открыла глаза о ужасномъ преступленіи имъ учиненномъ, будучи пораженъ до внутренности души своей лютѣйшею стрѣлою не допустилъ ее говорить болѣе, и посмотрѣвъ на нее съ отчаяннымъ видомъ: Недовольно того, чтобъ тебѣ помочь, государыня, сказалъ ей, но надобно за тебя и отмстить; ты не знаешь еще всѣхъ пороковъ удалериковыхъ, и чево достойна твоя ненависть, но къ чему

му объ нихъ тебя увѣдомлять? Смертїю ево одною ты о томъ извѣстна будешь.

При сихъ словахъ вынувъ свою шпагу, поднесъ востре оной къ своей груди, и хотѣлъ пронзить оною свое сердце, естьли бы Элиза не столь отчаянная, сколь беатрикса, ему не попрепятствовала; ибо она не спускала съ нево глазъ во все время. Она бросясь толь поспѣшно противъ удара, которой онъ себѣ учинить былъ намѣренъ, что воспротивилась онаго дѣйствїю; но молодая и нѣжная Принцесса столь обладаемая ужасомъ, сколь и удивленїемъ, узнавъ Удалерика, коего думала ненавидѣть въ одномъ человѣкѣ, коего могла только любить, и видя его въ готовности умереть, не могла противоборствовать сему странному приключенїю, и упала въ обморокъ въ самую ту минуту, когда хотѣлъ онъ исполнить сїе бѣдственное намѣренїе. Не требовалось ничего болѣе кромѣ толь чувствительнаго зрѣлища, дабы обезоружить его руку, страхъ опасности, коему подвергалась беатрикса изтребилъ дѣйствїе его отчаянїя. Онъ побѣжалъ

жалъ къ ней, и присоединивъ старанiи свои къ Элизинымъ, употребляли все, для приведенiя ее въ себя; долго они въ томъ не успѣвали; но на конецъ имъ удалося. Она отворила глаза, а Принцъ лишь только увидѣлъ ее внѣ опасности, какъ принявъ прежнее свое намѣренiе: упусти, государыня, сказалъ бросясь къ ногамъ ея, что хотѣлъ я тебя здѣлать свидѣтельницею твоего мщенiя: я желалъ, чтобъ кровь моя текши предъ твоими глазами, служила тебѣ явнымъ опытомъ моего раскаянiя; но какъ смерть моя причиняетъ тебѣ ужасъ, то лишу тебя оной зрѣнiя, и пойду далеко отъ тебя. . . . Постой, Государь, сказала она ему, я должна тебѣ жизнiю, и благодарность торжествуетъ надъ моею ненавистiю: живи, и возврати мнѣ Могена, вотъ все, чего я отъ тебя требую.

Сiя прекрасная Принцесса, выговорила сiи слова съ такимъ видомъ, которой не подавалъ поводу къ сомнѣнiю, что она хотѣла послушанiя. Принцъ выслушалъ ихъ со всѣми знаками глубокаго почтенiя; но не перемѣнилъ однакожъ своего предпрiятiя. Ты будешь удовольствована,

госу

государыня, отвѣчалъ онъ вставъ: дай Небо, чтобъ послѣдняя моя поступка изтребила на всегда изъ памяти твоей первую. Онъ вышелъ оканчивая сїи слова, и сѣдши на лошадь приказалъ нѣкоторой части своихъ войскъ стрегущихъ домъ, отступить, а тамъ оставилъ столько, сколько почиталъ за нужное для безопасности Принцессиной, приказавъ слушаться ее такъ какъ самого себя, и повелѣвъ призвать къ себѣ Лузинскаго, объявилъ ему общенародно, что онъ имѣетъ у себя первую Принцессу богемскую, и приказалъ ему поступать съ нею съ должною вѣжливостїю; по томъ поворотивъ въ городъ, вѣхалъ въ оной въ состоянїи гораздо отличномъ отъ того, въ какомъ изъ онаго выѣхалъ.

Между тѣмъ принявъ свое намѣренїе, приказавъ позвать всѣхъ Дамъ въ свой кабинетъ, и увѣдомивъ ихъ о приключенїяхъ и о городѣ беатриксы, просилъ ихъ ѣхать къ ней, и приготовить ее къ прїѣзду въ Прагу и къ принятїю своего достоинства и должной ей чести. Онѣ съ радостїю тому повиновались.

и между тѣмъ какъ исполняли сіи повелѣніи, заперся онъ съ измѣнникомъ Гирфелдомъ, который чудясь безмѣрной перемѣнѣ примѣченной на лицѣ его, и что не былъ онъ призванъ въ кабинетъ, когда сей государь кликнулъ туда женщинъ, почти не смѣлъ обратить на него глазъ своихъ. Удалерикъ то примѣтилъ, и какъ начиналъ гнушаться данными ему отъ него совѣтами, то посмотрѣвъ на него страшнымъ видомъ: ты худо мнѣ услужилъ, Гирфелдъ, сказалъ ему, естьлибъ лучше ты извѣстился, кто такова Эрмилія, то бы не здѣлалъ ты меня порочнѣйшимъ изъ всѣхъ людей. Ибо на конецъ надлежало бы тебѣ видѣть, что желаніе обладать ею, имѣло болѣе участія, нежели любочестіе, въ томъ предпріятіи, которое я взялъ, дабы овладѣть короною, и что одинъ страхъ видѣть ее въ объятіяхъ Могеновыхъ, и чтобъ не принудили меня жениться на другой, побудилъ меня уступить твоимъ жестокимъ навѣтамъ. Между тѣмъ, продолжалъ онъ съ запальчивостію, сія Эрмилія, за которую посадилъ я въ оковы, моего брата, моего

его Государя, того, коего надлежало мнѣ почитать вмѣсто отца, сія то самая беатрикса, дочь Вершовичева и племянница Могенова, которую хотѣлъ онъ на всегда соединить со мною; и вмѣсто оказанія ей услуги, прогнѣвалъ я ее наигнуснѣйшимъ изъ всѣхъ покушеній. Легко разсудить о удивленіи Гирфѐльдовомъ; но будучи стократно еще виновнѣе, нежели Удалерикъ его признавалъ, и видя несомнѣнную свою погибель, поблѣднѣлъ онъ, и не могъ вымолвить ни одного слова. Принцъ былъ тѣмъ тронутъ; онъ ево любилъ, и не воображая себѣ, чтобъ особенная его корысть принуждала ево такъ поступать; притомъ ласкаясь, что въ поступкѣ его было болѣе неразумія и усердія къ нему, нежели гнѣва противъ Могена, не хотѣлъ умножать его смятенія продолженіемъ своихъ укоризнъ, и стараясь его утѣшить открывъ ему произшедшее: безумный Гирфельдъ, примолвилъ онъ, хотя ты и виною моего несчастія, однако не упущу я раздѣлить поправленія онаго съ тобою. Пойдемъ, продолжалъ онъ, пойдемъ и возвратимъ вольность нашимъ свѣтлѣйшимъ

шимъ плѣнникамъ, возложимъ паки вѣнецъ на главу Якомирову, и отдадимъ обратно почтенiе наше Могену. При сихъ словахъ не ожидая ево отвѣта, выходитъ онъ изъ своего кабинета, собираетъ вельможъ своего двора, начальниковъ своихъ войскъ, и направляетъ съ ними стопы свои къ темницѣ Якомировой и Могеновой. Они оба были вмѣстѣ, и почтенный дядя беатриксинъ видя его въ проэожанiи толикаго множества людей, удостовѣряясь, что онъ пришелъ единственно для того, дабы быть свидѣтелемъ ихъ смерти, подошелъ къ нему, сколько удерживающiя ево оковы ему могли дозволить.

О Принцъ! не изъ моихъ ли наставленiй почерпнулъ ты сiе безмѣрное безчеловѣчiе? Я не хочу здѣсь приводить тебя въ жалость обо мнѣ: ты весьма малымъ ускоришь прекращенiе дней моихъ, да и остатокъ сей былъ бы для меня бѣдственъ, естьлибъ допустилъ ты меня жить. Разижъ, надмѣру безчеловѣчный Удалерикъ, пронзай сiе сердце, которое никогда не имѣло къ тебѣ кромѣ отеческихъ склонностей:

ностей: но по малой мѣрѣ не усугубляй твоихъ преступленій смертію злощастнаго Якомира, и удовольствуйся бѣдственнымъ состояніемъ, въ которое ты его привелъ. Нѣтъ, Принцъ, нѣтъ, государь, вскричалъ Удалерикъ бросясь къ ногамъ Якомировымъ, я не за тѣмъ пришелъ, чтобъ усугублять вину мою, но разорвать твои оковы, и принести тебѣ главу мою. Такъ, продолжалъ онъ, предъ глазами знатнѣйшихъ членовъ сего государства объявляю я себя недостойнымъ дневнаго свѣта, возвращаю корону моему брату, и всю мою горячность Могену. При сихъ словахъ повелѣвъ развязать Якомира и дядю беатриксина, отдалъ собственную свою шпагу въ руки своему брату, и открывъ ему грудь свою: накажи, государь, сказалъ ему, бунтовщика Удалерика: Амвону надлежало бы быть ѳеатромъ его казни: но для славы текущей въ жилахъ его крови дерзаетъ онъ проситъ, чтобъ пролита она была собственною твоею рукою; жизнь мнѣ противна; я нарушилъ наисвятѣйшіе естества и благодарности законы, и здѣлалъ чувствительнѣйшую оби-

ду знаменитой беатриксѣ. Не могу пережить толикихъ злодѣянiй; и естьли рука твоя отрекается отъ толь правосуднаго дѣла, то Могенъ не долженъ усомниться отмстить купно за область, за законнаго государя, и за несравненную Эрмилiю.

О! дражайшiй мой Удалерикъ, сказалъ тогда Якомиръ, какое преступленiе не должно быть заглажено толикимъ раскаянiемъ! Естьли позорно дѣлать погрѣшности, то еще гораздо славнѣе въ нихъ признаваться, и проклинать ихъ; будучи удаленъ отъ того, чтобъ тебя умертвить, безъ труда уступаю тебѣ корону, которую не могу я носить болѣе; весьма себя счастливымъ почитаю, что могу облобызать еще того, коего недозволено мнѣ болѣе обозрѣть. Тогда протянулъ руки какъ человѣкъ ищущей своего предмѣта; и въ отчаянiе пришедшiй Удалерикъ узналъ, что онъ слѣпъ. Онъ поднялъ ужасной крикъ при семъ видѣнiи и бросясь въ обьятiи къ своему брату: что вижу я, сказалъ онъ ему, и кто сыскался такой варваръ, которой въ противность моему

ему повелѣнію здѣлалъ сіе ужасное злодѣяніе. Печаль сего Принца была столь сильна, и раскаяніе толь чувствительно, что всѣ его провождающіе будучи уже тронуты его отчаяніемъ не могли удержать слезъ своихъ. Могенъ пришедшій еще болѣе въ жалость, и приведенный въ удивленіе именемъ Эрмиліи, приближился къ обоимъ братамъ, кои державъ крѣпко другъ друга въ объятіяхъ, казались желающими умереть совокупно одинъ изъ отчаянія, а другой изъ горячности, и соединивъ изступленіи свои съ ними, просилъ ихъ усмириться и изъяснить сіе бѣдственное происшествіе.

На конецъ Якомиръ хотѣлъ изтолковать оное, какъ донесли Удалерику, что Гирфелдъ принявъ команду надъ бунтовщиками, напалъ на дворцовою гвардію, и казался желающимъ овладѣть онымъ. Не требовалось болѣе сему Принцу къ познанію свойства недостойнаго своего любимца; и оставя Якомира и Могена подъ вѣрное охраненіе побѣжалъ туда, гдѣ нужно было его присутствіе. Люди его дѣлали жестокое

 сопро-

сопротивленіе; но Удалерикъ принявъ ихъ подъ свое предводительство, показалъ скоро вѣроломному Гирфелду различіе своихъ ударовъ и ево, коими поразилъ ниупорнѣйшихъ изъ новыхъ мятежниковъ, и овладѣлъ Гирфэльдомъ. Когда сей начальникъ не въ состояніи былъ биться, тогда бунтъ кончился, и Принцъ приказавъ ево представить предъ Могена, обнародовалъ данные ему отъ него совѣты; приключеніе свое съ Эрмиліею, и какъ вознамѣрился онъ взволноваться противъ Герцога, бучучи отъ него увѣренъ, что Могенъ хочетъ жениться на сей прекрасной незнакомицѣ; а Могенъ увѣдомилъ его съ своей стороны, что по его приказу стражи ему преданные провели горячимъ желѣзомъ Якомиру по глазамъ въ тотъ мигъ, какъ солдаты влекли ево въ темницу.

Какъ сіе объявленіе послѣдовало посреди великаго стеченія народа, и сіе множество признавшее себя виновнымъ думало, что не можетъ инако получить прощенія, какъ сложивъ всю вину на одного того, которой ихъ подговорилъ, бросились всѣ на виновнаго Гирфельда, которой подобно

подобно всѣмъ преступникамъ былъ тогда въ толикомъ же посрамленіи, сколь прежде казался быть наполненнымъ превозношенія и мужества. Народъ изрубилъ его въ куски не взирая на запрещеніи Принца и Могена, кои хотѣли, чтобъ судъ надъ ними совершенъ былъ по формѣ. Смерть сего вѣроломца возстановила паки тишину во всѣхъ сердцахъ. Удалерикъ отвезъ Якомира и Могена торжественно во дворецъ, гдѣ недольствуясь оказаннымъ раскаяніямъ, говорилъ къ народу рѣчь для приведенія его въ послушаніе своему государю, призналъ себя виновнымъ, и просилъ Герцога опредѣлить ему казнь. Храбрость и неустрашимость сего Принца были столько извѣстны, что не можно сомнѣваться въ сей его поступкѣ, и всѣ увидѣли, что оная происходила отъ его отчаянія, и потому не можно быть не тронуту его состояніемъ: всѣ сердца за него вступились, и тысяча голосовъ возстали, дабы просить ему помилованія. Герцогъ извѣстившійся о происходившемъ велѣлъ себя привести къ Удалерику, и обнявъ его въ глазахъ всѣхъ своихъ подданныхъ, сказалъ ему общенародно, что повелѣваетъ

ему перестать говорить такимъ образомъ, что нѣтъ ему нужды въ помилованiи, потому что онъ признаетъ его безвиннымъ, и хочетъ, чтобъ онъ жилъ, владѣя съ нимъ, и короновавъ беатриксу. Восклицанiи послѣдовавшiя симъ словамъ лишили Удалерика способа на то отвѣтствовать; онъ поклонился Якомиру, и предался въ его повелѣнiи.

Когда Могенъ увидѣлъ Принца гораздо спокойнѣе, тогда просилъ онъ его дозволить ему представить самому Принцессу свою племянницу, съ склонностьми гораздо благоугоднѣйшими, нежели онъ смѣлъ ласкать себя. Удалерикъ обнялъ его, и принуждалъ ѣхать, хотя сомнѣвался всегда въ своемъ счастiи; но любовь толь изрядно одержала побѣду надъ сердцемъ беатриксинымъ, что не было больше въ ея власти торжествовать надъ оною. Въ самомъ дѣлѣ сiя прекрасная Принцесса представивъ себѣ, что Удалерикъ отказывался отъ дочери Вершовичевой единственно потому, что любилъ Эрмилiю, и не зная, что и та и другая была одна особа, отваживалъ все, дабы ее короновать, хотя не

зналЪ ея породы, и разсуждая потому, сколь велико должно быть ево отчаянїе тою поступкою, которую учинилЪ вЪ ея присутствїи, почувствовала она себя такЪ тронутою его состоянїемЪ, что присоединивЪ жалость кЪ склонности своего сердца, была принуждена признаться предЪ вѣрною Элизою, что никогда бы не пережила она смерти сего Принца.

Сїя проворная подруга совершенно узнавшая всю тайну ей толь долгое время несвѣдомую, не позабыла ничего, что могло умалить преступленїе Удалериково, и возобновить изящныя его качества; и несомнѣваясь, чтобЪ МогенЪ не былЪ свободенЪ, сколь скоро онЪ возвратится вЪ Прагу, привадила она ее нечувствительно не противиться болѣе его соизволенїю: онѣ еще о семЪ разговаривали, какЪ Дамы двора Пражскаго прибыли для отданїя ей своего поклона. Удивительная ея красота, видЪ прїятный и величественный, ласковость, сЪ коею онѣ были приняты, такЪ ихЪ ослѣпили, что не дѣлали онѣ нималаго вниманїя на простоту ея одѣянїя, и естьли

ли бы сія Принцесса имъ того сама не оказала, извинясь милостиво, что появилась предъ ними въ семъ состояніи, то бы позабыли онѣ ея изъ того вывесть; но пришедъ въ себя отъ перваго своего удивленія, исполнили наиточнѣйше повелѣніи Удалериковы, и придали новое сіяніе прелестямъ сея Принцессы, убравъ ее въ платье приличное ея достоинству.

Элиза перемѣнила также свою одежду, и привлекла сердца тѣхъ, коимъ надлежало ей сотовариществовать, своимъ разумомъ и веселымъ нравомъ. Между тѣмъ беатрикса вознамѣрившаяся не вьѣзжать въ Прагу, пока не увидится съ Могеномъ, ожидала съ нетерпѣливостію дѣйствій обѣщанія Принцева, какъ увидѣла на конецъ прибывшаго сего благоразумнаго любимца Якомирова. Свиданіе ихъ было наиласковѣйшее, но Могенъ не хотя принудить долго ждать влюбленнаго Удалерика, отвелъ беатриксу на сторону; и показавъ ей, что онъ свѣдомъ о произшедшемъ между имъ и ею, выговоря ей съ ласкою, что таила она отъ него сіе произшествіе,

шествіе, увѣдомилъ ее о всемъ томъ, что учинилъ сей Принцъ, и просилъ ее возвратить совершенную тишину государству, увѣнчавъ ево любовь. Сія прекрасная Принцесса была болѣе искренна, нежели чтобъ скрыть склонности свои предъ Могеномъ, она дала ему знать о движеніяхъ своего сердца, и согласуясь съ его склонностью, не имѣла труда упустить Принцу такое нестроеніе, въ коемъ не могла обвинять ничего инаго, кромѣ любви его къ ней. И такъ не сомнѣваясь о томъ, что надлежало ей дѣлать, поѣхала въ Прагу съ Могеномъ, Элизою, и Дамами за нею пріѣхавшими. Лузинскій хотѣлъ также ее проводить. Три великолѣпныя колесницы, изъ коихъ въ одну сѣла она съ знатнѣйшими придворными Дамами, и которая окружена была всею гвардіею, которую Удалерикъ тамъ оставилъ, составляли сію свиту. Разстояніе сего дому отъ города было толь посредственно, что прибыли онѣ туда въ нѣсколько часовъ. Народъ примѣчавшій всѣ произшествіи того дня, видя ее проѣзжающую, лишь только усмотрѣлъ ея колесницу, какъ наполнилъ

полнилЪ воздухЪ радостнымЪ восклицанїемЪ, сЪ коимЪ проводилЪ ее до дворца.

УдалерикЪ вышелЪ изЪ онаго вЪ провожанїи всѣхЪ вельможЪ, а ГерцогЪ велѣлЪ себя вести ей на встрѣтенїе. Присутствїе сего Принца извлекло изЪ нея слезы; но боясь возобновить печаль Удалерикову, остановила она теченїе оныхЪ, и приняла честь оказанную ей ЯкомиромЪ сЪ ласковостїю и цѣломудрїемЪ. ГерцогЪ проводилЪ ее вЪ кабинетЪ, куда ПринцЪ и МогенЪ вошли одни сЪ ними. УдалерикЪ, коего любовь, страхЪ и надежда равно терзали, бросился кЪ ея ногамЪ, и просилЪ ее рѣшить его судьбину, подавЪ свое согласїе на его щастїе, или осудивЪ его на смерть: она имѣла великую пользу, чтобЪ его ощастливѣть, почему и не могла тому противиться но приказавЪ ему встать: почтенїе мое кЪ Самодержцу, государь, сказала ему, послушанїе мое кЪ Могену, и собственное мое удовольствїе, ибо надобно вЪ томЪ признаться, должны тебя увѣрить, что день, коему довлѣетЪ судьбу мою соединить сЪ

тобою,

тобою, будетъ наиславнѣйшій въ моей жизни.

Естьли бы печальное произшествіе, коимъ сіе признаніе было преслѣдуемо, дозволило Принцу изъявить свою радость, то бы безъ мѣры онъ предался оной: но состояніе Якомирово умѣряло его восторгъ, и онъ изъявилъ оной только искреннѣйшею благодарностію. Между тѣмъ невзирая на плачевное состояніе Герцога, хотѣлъ онъ, чтобъ сей бракъ совершился со всякимъ великолѣпіемъ, какого требовало достоинство тѣхъ, для коихъ возжегъ онъ свой факалъ. Городъ Прага торжествовала оной многими великолѣпными огнями, но еще болѣе праздновалъ онъ былъ разумною поступкою Удалерика, и добродѣтелью свѣтлѣйшей его супруги; и обое употребляли толико старанія загладить своею ласковостью и почтеніемъ къ Якомиру и Могену погрѣшности, коихъ они были виною, что оные скоро ихъ позабыли. Удалерикъ владычествовалъ со славою совокупно съ своимъ братомъ. Якомиръ награжденъ былъ за свою терпѣливость, милосердіе и щедроту, долголѣтною жизнію.

жизнію. Удалерикъ нашелъ награду за раскаяніе въ свѣтлѣйшихъ потомкахъ, и въ знаменитыхъ качествахъ беатриксы, коей богемцы чудились, любили и почитали во все теченіе ея жизни, а благоразумный Могенъ имѣлъ ту радость, что увидѣлъ государствующаго сына сихъ знаменитыхъ супруговъ, которой своею храбростію, проворствомъ и количествомъ своихъ завоеваній прозванъ былъ богемскимъ Ахиллесомъ.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОМУ ТОМУ

